

Георгий Виноградов

ДЕТСКИЙ
ФОЛЬКЛОР
... И БЫТ ...

ПРОГРАММА
НАБЛЮДЕНИЙ

К 1166706

Этнологическая Секция Восточно-Сибирского
Отдела Русского Географического Общества

НЕПЕРИОДИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

**БИБЛИОТЕКА
СОБИРАТЕЛЯ**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. К. Азадовского и Г. С. Винсградова

Выпуск III.

ИРКУТСК

1925

Детский фольклор и быт.

Не бесспорны те основания, по которым наш век именуется веком ребенка. Все же несомненно, что детство в наши дни привлекает к себе внимание не только людей, имеющих с детьми непосредственную связь (родители, педагоги), но многих писателей, художников и представителей некоторых научных дисциплин. У всех на памяти «Детство» Толстого, «Детство» Горького, «Младенчество» Вяч. Иванова и довольно длинный ряд других. Быстро растущая литература по психологии детского возраста свидетельствует о большом интересе к детству исследователей душевной жизни. Интерес к детскому языку, проявляемый лингвистами, тоже общеизвестен.

В последнее время встает вопрос об этнографическом изучении детства. По мере того, как усложняется жизнь, растет и практическая необходимость ближе и пристальнее всмотреться в те ее стороны, которые раньше находились в тени и не могли останавливать на себе внимание. В оправдание этого утверждения можно было бы привести не одно соображение, и не один пример из новейшей педагогической литературы. Не только в теории, но и в педагогической практике, школьный работник неизбежно имеет дело

с *детской массой* и с ее бытом. «В детских мыслях, утверждениях, привычках, действиях, интересах отражаются те бытовые пласты, которые создают общую среду, влияющую на ребенка. Элементарный анализ этого понятия указывает на их совместное одновременное существование, а, следовательно, и на влияние. Есть пласт—страна, и мы утверждаем это, говоря «русские дети», есть близкий пласт—деревня, город, при чем играет роль центр, окраина, фабрика и т. д. и есть, наконец, семья. Только разобравшись в отражениях этих бытовых пластов на ребенке, мы сможем подойти к его индивидуальности»¹.

Но что значит «разобраться в отражениях бытовых пластов?» Для педагога, например, это значит—сначала распознать, а затем снять наслоения, закрывающие индивидуальность ребенка. Но такая серьезная операция может привести к нужным результатам при условии, если она будет производиться под непосредственным руководством специалистов по быту—этнографов.

Одного этого примера (а их можно было бы указывать еще и еще) достаточно, чтобы поставить вопрос о сотрудничестве психологов и педагогов—с одной стороны и этнографов—с другой. Оказывая взаимные услуги, две научные дисциплины—психология и этнография—выиграли бы в своих достижениях. Этнография может воспользоваться психологическими объяснениями многих явлений, подлежащих ее изучению, а в свою очередь изыскания специалистов по детской психологии, надо думать, были бы плодотворнее, если бы опирались на данные этнографии.

Психологи выделили изучение детства, как обособившееся ответвление своей науки; лингвисты сде-

дали то же. Есть не мало оснований поступить таки же образом в этнографических изучениях.

Детский быт не только резко отличается или имеет самобытные черты, но детская жизнь резко обособляется от жизни взрослых. Есть игры взрослых и есть игры детские; те и другие, имея много общего, разнятся друг от друга настолько, что изучаются порознь. Есть песни детские и есть песни взрослых людей; те и другие, имея общее, разнятся настолько, что при изучении их разделяют. Такое сопоставление можно делать, имея в виду и другие объекты этнографических изучений.

Детская жизнь в народной массе имеет свои самобытные черты. Ребята живут и сознают себя обособленным миром. Играют в игры, независимо от участия взрослых, учатся играм, наследуя их не от «больших» непосредственно, а от «своего брата», учатся плясать — и опять-таки не у взрослых, но часто в величайшей тайне от них; познание окружающей природы также далеко не всегда совершается под влиянием и руководством «больших».

Жизнь взрослых в сознании детей связана с их собственной жизнью только в отдельные моменты; «большие» их бьют, кормят и т. д. Взрослые чаще всего — посторонние этой жизни люди, которые иногда даже «мешают». Родители, даже мать, это не столько непосредственно желательные участники детской жизни, сколько «большие маяки» на море детской жизни.

Понять обособленность детского быта нетрудно, если принять во внимание, что быт создается различными причинами, и что значительную роль среди этих причин играет психика творцов и носителей быта. Не затрагивая причин иного порядка сейчас, имея в виду

детский быт, остановимся только на последней. Детская психика имеет много особенностей (потому то и выделена психология детского возраста). Можно сказать и прямо, что в силу даже одного этого быт детей всякого народа будет иметь свои особенности.

Отрицать теснейшую связь между жизнью взрослых и жизнью детей нет ни возможности ни надобности. По словам одного исследователя, «детская этнография—по большей части верное *отражение* этнографии взрослых». Имея вполне самобытные, не встречающиеся у взрослых, особенности и черты, обуславливаемые совокупностью особенностей детского возраста, «детская этнография» не может рассматриваться как сколок с «этнографии взрослых». Необходимо иметь в виду, что и сколок с жизни взрослых не есть копия последней: дети не так воспринимают художественный образ, как его воспринимают взрослые, их представления о мире не тождественны с представлениями взрослых. Детский быт создается не только под влиянием взрослых. Некоторые стороны детского быта вырабатываются—мало того, что независимо от взрослых, но в результате противоборства с взрослыми, как это отмечают чуткие художники - быто писатели. Больше того, если детский мир испытывает на себе влияние мира взрослых, то есть факты, указывающие на обратное влияние: наприм., детский язык держит под своим влиянием некоторые элементы языка взрослых (слова, прозвища).

Дети занимают место в стороне от большой дороги, заполненной взрослыми (потому-то мы так мало и знаем их), чтобы никому не мешать и чтобы им никто не мешал, и «в стороне» создают свой быт. «С трех-четырёх лет дети уже образуют свои маленькие компании из сверстников обоёго пола и ведут

совершенно самостоятельную жизнь, в которую старшие обыкновенно не вмешиваются»,—пишет о своих наблюдениях один внимательный этнограф². Время от времени они предпринимают вылазки на большую дорогу («большие» обыкновенно только там их и видят), там всасывают различные влияния, оттуда делают заимствования—и снова, миновав окопы, именуемые заботами взрослых, утекают «к себе»...

В непродолжительной «истории» каждого детского поколения можно подметить тот же триединый процесс, который устанавливает К. Н. Леонтьев для истории каждого народа и государства. Быт детей лет до семи содержит все признаки «первоначальной простоты»: в нем много неустойчивого, бесформенного, много подражательности и т. д. Период лет от семи до двенадцати-тринадцати характеризуется наибольшей самобытностью, яркостью; это—период «цветения и цветущей сложности». Затем наступает третий период, когда у мальчика или девочки начинает проявляться «слишком много здравого смысла и слишком мало силы воображения, чтобы вполне наслаждаться игрой»³. Если молодой человек «начинает судить *по настоящему*, то и игры никакой не будет. А игры не будет, что ж тогда остается?»⁴. Тогда наблюдатель имеет дело с «периодом вторичной простоты» с его подражательностью, неустойчивостью и пр.

Конечно, такая периодизация—вещь в заметной степени условная, но она здесь оправдана желанием, если не необходимостью, выделить период детской жизни, на который наблюдателю следует обратить особое внимание.

Все явления, подлежащие наблюдению этнографа, должны изучаться не только в готовом виде, в

сложившихся формах,—важно уследить процесс восприятия человеком культурных накоплений, сделанных его предшественниками, процесс вхождения нового члена детской среды в ее быт и обстановку, процесс овладения опытом естественного детского коллектива и накопления собственного опыта. Исходя из этих соображений, изучение первого периода детства не приходится рассматривать, как дело, выходящее за круг наших интересов. Смысл изучения последнего периода заключается преимущественно в том, что здесь обеспечивается возможность наблюдать факты, характеризующие процесс увядания и разложения быта умирающего (для детской жизни) поколения.

Для наблюдения полного развития, «цветения» детского быта надо обратиться ко второму периоду детства, когда ребята имеют свой жизненный уклад, свою общественность, определенный круг знаний окружающего мира, во многих отношениях своеобразный язык, зачатки искусств...

Ознакомление с этнографической литературой показывает, что некоторые стороны детской жизни освещены достаточно полно, другие едва затронуты, иные совсем не привлекли к себе внимания наблюдателей. Больше всего проявлено интереса к детским играм, игрушкам и забавам. Здесь мы имеем не мало описаний, имеем ряд программ для наблюдений. Отчетливо выражен интерес к детскому языку и устному творчеству: имеется значительное количество записей, опубликованы программы собирания; в частности, предметом внимания делается детская песня—преимущественно в целях использования ее в педагогической практике. Но если взять всю область детского быта.

представляемую в полном объеме, то она еще не стала объектом систематического изучения; даже в той ее части, которая нашла себе внимательных наблюдателей и исследователей, она остается не достаточно изученной, и в имеющихся литературных материалах содержится много пробелов. Заполнение этих пробелов составляет неотложную задачу, решать которую призваны те, кто считает себя не случайно причастным к детскому миру. В помощь им и предлагается настоящий опыт программы наблюдений над детским бытом³.

«Главная ошибка всех составителей программ заключается в том, что они придают гораздо более цены самой программе, чем тому лицу, которому предстоит пользоваться программой». Это замечание Bugiel'я принято здесь во внимание. Цель составления своего опыта программы автор усматривает в том, чтобы дать чертеж, на котором линиями и точками наметить границы и общее направление работ наблюдателя, предоставив каждому наложить краски, исправить направление данных линий, заменить неуверенно поставленные точки отчетливыми линиями.

Главными сотрудниками при выполнении больших этнографических предприятий почти всегда являлась так называемая местная интеллигенция, преимущественно—учителя; которым в истории собирания материалов по народоведению принадлежит весьма почтенная роль (не говоря о таких подвижниках науки, как Шейн, имя которого известно более, чем имена некоторых академиков, можно назвать не один десяток имен, оставивших след в науке). Особенно ощутительным должно оказаться их участие в работе по изучению столь близкого им детского мира.

● ● ● ●

Детский народный календарь.

Всякая заметка, всякое отдельное наблюдение имеет известную цену, но тому, кто хотел бы посвятить свой досуг если не постоянному, то все же продолжительному изучению детского быта, надо убе- речья от уклона *к наблюдениям, не освещенным мыслью*. Плодотворно можно работать, имея перед собою общую картину всего, подлежащего наблюдению, все поле работы. Важно, входя в работу, занять та- кую выгодную позицию, с которой открывалась бы легко обозримая долина, более или менее определен- ная, не искаженная перспектива. Без этого через многие придется проходить ошупью.

Имея целью собиpание материалов, освещающих различные стороны детской жизни, следует вырабо- тать или принять цельный и стройный взгляд на на- родный детский быт, принять или выработать ту или иную концепцию «детской этнографии», которая обеспечила бы возможность работать с необходимой уверенностью и с достаточным пониманием каждого отдельного момента в работе. Только при этом условии наблюдатель не рискует попасть в положение, когда он «из-за деревьев леса не видит».

В целях успешного изучения детского быта по- лезно начать с общего обзора детской жизни в про- должение целого года. Такой обзор может ввести в ознакомление со всем кругом детских интересов, за- просов, вообще многообразных проявлений детской жизни. Кажется, нет ничего плодотворнее, как обо- зреть детскую жизнь за весь год в календарном по- рядке⁶. В результате записи наблюдений получится то, что в этнографии носит название «народного

календаря» (он общеизвестен, передается устно и т. д.); поскольку речь идет только о детской жизни, мы будем говорить о *детском народном календаре*.

Времена года всегда полагались в основу или, во всяком случае, принимались во внимание при распределении школьной работы с детьми и в известной мере отражались на ее характере: соответственно временам года располагался материал в основных классных книгах и пособиях, соответственно временам года менялся состав классных картин, соответственно временам года видоизменялись некоторые классные работы и т. д. и т. д.; словом, *общий календарь* имел применение и использование. И современная, строящаяся, школа не только не отказывается от следования календарю в распределении занятий и придании им того или иного характера, но как будто даже усиливает эту тенденцию.

Новые программы школьных занятий рекомендуют направлять работу в русло, определяемое «дневником-календарем»⁷. Путем расширения и детализации некоторых пунктов рекомендуемой программы «параллельных наблюдений»⁸, легко подойти к составлению детского не только школьного, но и, так сказать, бытового календаря; в результате наблюдений должно создаться «широкое внимание и в то же время дифференциация (наблюдаемых) явлений, *доходящая до интересного для детей пункта—собственной жизни по временам года*»⁹.

В этих школьных занятиях, в начале не связанных с этнографическими целями, можно видеть подготовительный период в работе по составлению детского бытового календаря силами учеников. Для этнографа это—только исходный момент в работе; позд-

нее это может быть или средством проверки уже имеющихся сведений или способом получения дополнительных данных.

Начав в любой момент, любой месяц и день, свои наблюдения над жизнью деревенской детской массы, нужно—по мере наблюдения—тщательно, по возможности подробно описывать занятия детей, их игры, забавы,—словом, все, что составляет детскую жизнь и детский быт. Внимательные наблюдения и обстоятельные записи, проведенные в течение года, дадут материал для детского народного календаря того села или того района, где производились наблюдения.

Собирание этнографических материалов не такое трудное дело, чтобы за него не мог взяться грамотный человек, но и не такое легкое, которое не требовало бы большого внимания, настойчивости, труда и времени. В частности серьезное собирание материала по детскому календарю требует длительных наблюдений.

Начинать детский год, повторяю, можно когда угодно, т. е. когда удобно наблюдателю. В новый год он отметит, как ребята ходят «подсевать», добьется возможности записать тексты исполняемых при этом припевов и т. д. и т. д. Среди дня и особенно к вечеру у ребят можно наблюдать зимние уличные игры и некоторые забавы. В избах, главным образом—у девчуток, можно наблюдать комнатные игры. Через несколько дней, в крещенье, во многих местах устраиваются бега. Ребята принимают живейшее участие—одни в роли наездников, другие—в роли беспристрастных наблюдателей или «посаливающих глазами» завистников... В этот день не мало рассказов и разговоров о шулюканах и пр. Затем бу-

дет масленица, наступят предпасхальные дни, весенние праздники, начатые пасхой. Вскоре—работы в поле, в огороде и т. д. и т. д.

Трудно представить себе другой вид этнографической работы, где до желательной степени можно было бы сконцентрировать поводы и возможности для обнаружения всех сторон детской жизни, как детский народный календарь.

Когда календарный материал собран и приведен в порядок, наиболее существенную часть работы можно считать выполненной: разные стороны детской жизни охвачены полностью, все элементы детского быта подмечены. Очередная задача заключается в том, чтобы эти элементы *выделить*, остановить на них особое внимание, сделать предметом специального рассмотрения. Таким образом из работы по календарю выделяются частные вопросы и темы, требующие особого внимания и специальной проработки, и тем самым намечаются содержание и план программы дальнейших изучений.

Участие в сезонных работах, многие игры и забавы и другие обстоятельства сталкивают детей с разными явлениями и вещами в природе; в результате получается непрерывное накопление *знаний окружающего мира*. Вот содержание одного из отделов «детской этнографии».

Под влиянием материнской поэзии, поющей о буке под сараем, о старике бабае и пр., под влиянием рассказов взрослых о лисичке, посылающей ребятам покрытые плесенью кусочки хлеба, о шулюках, пугающих ребят и могущих причинять им не-

приятности, под воздействием личных переживаний и т. д. рождаются и живут в разных видах словесного творчества *мифологические образы*. Мифология и мифотворческие процессы у детей—вог другой отдел интересующего нас ответвления этнографии.

Некоторые виды детских организаций (артели и т. п.) и многие игры в основе своей имеют определенные неписанные нормы. Относящиеся сюда факты характеризуют *общественную жизнь* детей и зачатки *правового быта* у них. Таким образом ставится еще группа вопросов намечающейся программы.

Инвентарь детского внешнего быта богат архитектурными сооружениями (дома, амбары, церкви), скульптурными изображениями (животные и люди из глины, деревянные куклы), самодельными музыкальными инструментами и пр. Возникает возможность (если не необходимость) говорить о *детском искусстве*.

Зачатки искусств.

Кому посчастливилось когда-нибудь присутствовать (видимо или незримо) при увеселениях детей, когда они, собравшись гурьбой где-нибудь на сеновале, или в риге, или, пользуясь отсутствием «больших», у кого-нибудь из соседей—товарищей, используют в качестве музыкальных инструментов самоварную трубу, заслонку, колокольчик или ботало, исполняют своеобразный концерт,— тот понимает, что такое *заразительность*. Если, следуя Толстому, признать, что «заразительность есть несомненный признак искусства» и что «степень заразительности есть единственное мерло достоинства искусства», то можно

с достаточными основаниями утверждать, что во многих обнаружениях детской жизни мы имеем дело с *искусством*.

«Искусство делается более или менее заразительно вследствие трех условий: 1) вследствие большей или меньшей особенности того чувства, которое передается; 2) вследствие большей или меньшей ясности передачи этого чувства и 3) вследствие искренности художника, т. е. большей или меньшей силы, с которой художник сам испытывает чувство, которое передает»¹⁰. «Если же, хотя бы и в самой малой степени, присутствуют все три условия, то произведение; хотя бы и слабое, есть произведение искусства»¹¹.

В детском творчестве указанные признаки в тех или иных комбинациях имеются на лицо. Таким образом, представляется обоснованной возможность говорить о *детском искусстве*, или, чтобы проявить в своих суждениях максимум осторожности, о зачатках искусств у детей:

Собирание материалов по намечаемой теме едва ли не целесообразно начинать с фактов, освещающих вопрос о *детской эстетике*: о восприятии прекрасного, о вкусах и т. д. Полезно обратить внимание на отношение мальчиков и девочек к цветам—любимым и нелюбимым, на подбор и сочетания цветов в букетах, в венках. Заслуживают внимания средства (ягодный «рассол», например) и способы окрашивания (кипячение в горшке и др.) вещей детского инвентаря, предпочитаемая окраска. Расположение предметов, употребляемых в играх, симметрия,—тоже вопросы немаловажного значения.

Мимоходом уже было упомянуто выше о *детских постройках*. Если необходимо говорить о непосред-

ственной пользе изучения «архитектурных» сооружений детей, то, быть может, достаточно указать, что в этих сооружениях проделаны все подготовительные работы для уяснения того, что с трудом дается «в учении»,—для уяснения масштаба. Весь «дом» или вся «изба» ребенка занимает одну квадратную четверть, а в ней—в соответствии с планом крестьянской избы—все на своем месте... И далее: вся «усадьба» или «заимка» мальчугана занимает одну квадратную сажень, а в ней—тоже в соответствии с планом крестьянской усадьбы или заимки—все постройки на своих местах...

Внимание наблюдателя способны привлечь *скульптурные изображения*, выходящие из детских рук. Достаточно ограничиться упоминанием о деревянных и глиняных лошадях, петухах, людях, о снежных фигурах—с глазами, усами, руками и пр., чтобы этот частный пункт программы стал понятным без длинных описаний и объяснений.

Так же должно обстоять дело с проблесками способностей детей, проявляемых в *живописи*. Недалеко, верстах в двух, от деревни Заваль (Тулунского уезда, Иркутской губернии), на левом берегу Оки, ниже по течению, в 1920 г. мною найдены древние изображения животных, высеченные на скалах, на большой сравнительно высоте. А внизу на тех же скалах завальские ребята, пасущие коров и овец на приречной лужайке, кровавиком рисуют змей, птиц, человека и пр. Эти и подобные им рисунки стоят того, чтобы их сделать предметом внимательного изучения. Исследователи обратили внимание на детский рисунок, но материал для изучения они получают несколько иным путем, не тем, каким особенно дорожит этнограф: они предлагают детям выполнить рисунком ту или

иную «вольную» или заранее определенную тему. Коллекции таких рисунков, конечно, очень ценны: они покажут, что дети могут дать в ответ, как они могут высказаться графически при обращении к ним вопросе. Позволительно думать, что большой интерес представляют не только материалы, свидетельствующие о том, что могут дать дети в ответ на чужое обращение, но и материалы, показывающие, что ребята дают в обычных условиях их жизни, под непосредственным воздействием обстановки, в которой протекают их дни, без подсказок в виде предлагаемой темы и т. п. Поэтому-то рисунки завальских ребят и подобные им, а также орнаментивно разукрашенные самими детьми предметы их обихода и пр., как «несомненная духовная собственность» детей, являются особенно ценными.

Если «построить ткань звучаний, интонировать звучания—это и есть *музыкальное творчество*», то в наблюдаемом у ребят насвистывании мелодий—как распространенных, так и импровизаций—мы в праве видеть зачатки музыки. Владеющий искусством записывать мелодии нотными знаками найдет у деревенских ребят интересный материал. Еще богаче материал найдет он, если сумеет тем или иным способом быть незамечаемым наблюдателем¹² своеобразных детских «концертов» (о которых уже было вскользь упомянуто), когда роль барабана выполняет заслонка, а другие инструменты заменяются гребенками или лучинками, когда в ход идут и глиняные свистульки и самодельные балалайки из досок с натянутыми струнами—суровыми нитками.

Нужно обратить внимание не только на возраст, число участников, распределение ролей, на обстановку, но, главным образом, на мелодии—подражания

известным или импровизации, будь это мелодия «складная»: благозвучная, будь крикливая, беспорядочная на нашу оценку. Важно успеть подметить и в своем месте, т. е. в определенные моменты, зафиксировать телодвижения, выкрики и т. п., а также употребляющиеся названия, обозначения и пр.

Здесь же следовало бы сказать о *детской песне*, но песню мы отнесем к искусству словесному, которым венчается вся область искусств. О словесном искусстве речь пойдет особо—в главе о детском фольклоре.

С музыкой, о которой только что говорилось, сплетаются обыкновенно *детские танцы*. Танец маленьких ребят очень прост: они или подпрыгивают или, переминаясь с ноги на ногу, речитативом повторяют какие-нибудь слова из песенки. Дети постарше, особенно, кажется, девочки, знают некоторые «настоящие» танцы.

В описании танцев—подражаний «настоящим» и плясок-импровизаций—нужно проявить много терпения; чтобы не получить обычной картины, когда наблюдатель довольствуется приведением названия пляски с пояснением в общих чертах, или когда пляска описывается в поэтических выражениях, но не приводятся ни мелодия, сопровождающая пляску, ни употребляемые при этом выкрики, названия, термины. Реже встречаются описания с указанием песен и мелодий, сопровождающих пляску, но без указания движений пляски. Не сообщается, как, где, у кого дети учатся пляске.

Описание танцев, которое отвечало бы современным научным требованиям, должно вестись, примерно, по такой программе.

1. Обычное название пляски. Объяснение названия. Другие обозначения пляски и отдельных ее «колен». 2. Когда, при каких случаях и обстоятельствах исполняют данную пляску? 3. Музыка, сопровождающая пляску (инструменты, инструментировка). 4. Возраст исполнителей. 5. Положение исполнителей — мальчика и девочки — при начале пляски. Место, где происходит пляска. Направление пляски. 6. Музыка, темп и исполнение пляски в целом и отдельных ее «колен». Желательно обозначить темп пляски посредством метронома или, проще, указать его в секундах, пользуясь часами. 7. «Школа танцев»: где и как учатся ребята пляскам.

Наблюдателям, владеющим искусством записывать мелодии, рекомендуется особый прием, предлагаемый Цодером. «Нотная строка помещается слева страницы в вертикальном направлении. Соответственно нотам записываются в отдельных рубриках: движения головы и торса, движения ног, движения рук, положение пляшущих. Для обозначения движений он рекомендует употреблять термины гимнастических упражнений, так как они общеизвестны, а движения в народных плясках часто совпадают с гимнастическими. Положение пляшущих обозначается посредством двух кружков: черного для мужчины, белого для женщины. От кружка проведена черточка, направление которой указывает, в какую сторону обращено в данную минуту лицо пляшущего»¹².

Словесное творчество (фольклор).

В то время, как исследователи в области изучения ребенка, интересуясь детским словесным творчеством, останавливают внимание на журналах, сочи-

нениях, стихотворениях, письмах, дневниках,—объектом этнографических изучений служит *устное детское творчество*.

К произведениям устного детского творчества мы относим песенки, исполнение которых приурочено к тем или иным календарным датам (рацейки, тексты рождественского славения, качельные песни и пр.), песни, связанные с играми, песни, распеваемые в связи с теми или иными случаями (когда, напр., гонится стадо и пр.), песни-заговоры, стихотворения сатирические (дразнилки, издевки, поддевки), считалки, жеребьевки, некоторые скороговорки и прибаутки, отчасти потешки и колыбельные песни. Словом, термин *детский фольклор* мы применяем для обозначения *всей совокупности словесных произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых*.

Уже одно это перечисление отдельных видов фольклора указывает на разнообразие и богатство детского творчества в слове. Поэтому, сколько бы спешащие и незрячие наблюдатели ни говорили, что современная сельская детвора живет бесцветно, что в области словесного творчества у нее ничего не осталось и вновь не создается, что предпринимать поиски материалов по детскому фольклору—дело совершенно безнадежное и напрасное,—умелый и внимательный подход к ребятам обнаружит еще много поэзии в их жизни; «но она,—говоря словами К. Леонтьева (сказанными в другой связи),—как грибы в лесу: ее надо искать с лукошком, и так вместе все на стол не подадут готовым».

Разные виды и разновидности словесного творчества возникают и бытуют *в неодинаковых условиях*; в соответствии с этим наблюдатель народной детской

жизни и собиратель фольклорного материала вырабатывает (или примет в готовом виде) программу, которая предусматривала бы, по возможности, все направления и ответвления в творчестве детей, и уделит особое место и особое внимание каждому виду и каждой разновидности.

Работа по составлению детского календаря неминуемо сталкивает собирателя с так называемым *календарным фольклором*. В новый год деревенские ребята бегают по домам и «подсевают»:

Сею, вею, подсеваю,
с новым годом поздравляю
и т. д.

Интересно собрать и сравнить подобные тексты «подсевания» с святочными рацеями. По словам бытописателей, в старом Иркутске, напр., на Рождестве «дети всех званий ходили славить Христа... Те из них щеголяли, которые больше выучивали рацеек. Отславивши Христа, они сказывали рацейки», обращаясь к хозяину и хозяйке:

Встань, хозяин,
да покатись в подполье,
по пироги да по шаньги,
по мягкий хлеб
да по деньги в зепь¹⁴.

Рацейки, под названием припевов (т. к. они служат обычно прибавлением к тропарю праздника), распеваются и теперь во многих местах. Они очень разнообразны. Было бы желательно собрать их возможно больше,

На масленице во время катания тоже поются песни. В поселке Тулун у ребят записано:

Мы на масленке катались
и наделали беды...

и т. д.

Существуют так называемые *качельные песни*; в том же месте, напр., девочки на пасхальных качелях поют:

Раскачайте, раззыбайте,
я скажу вам жениха...

и т. д.

Этнографическая литература содержит очень мало песен такого рода. Это обстоятельство заставляет обратить особое внимание на их поиски.

Для общей характеристики календарного фольклора приведенных примеров вполне достаточно.

Следующей группой стихотворных произведений следовало бы поставить песенки, не прикрепленные к какой-либо календарной дате, но связанные с играми; в виду того, что эти песенки не живут самостоятельной жизнью и имеют главным образом значение орнаментики игры, о них будет сказано в беседе о наблюдениях над детскими играми.

До сих пор мало записано песенок, исполняемых по какому нибудь определенному случаю.

При колокольном звоне, например, поют общеизвестную

Тилинь-бом, тилинь-бом,
загорел у кошки дом...

и т. д.

Когда гонится стадо коров с поля, дети становятся в кружок и поют:

Стадо гонится,
 богу молится,
 умывается,
 утирается.¹⁵

Можно выделить небольшую группу песенок-стихотворений с перечислением дней недели, или, как говорит А. А. Макаренко, детских припевов, в которых «своеобразно ведется счет дням недели»:

В понедельник—по комельник (бревна);
 во вторник—по кокорник (сучья, коряги);
 в среду—по берегу;
 в четверг—по ячмень;
 в пятницу—по ярицу;
 в субботу—на работу;
 в воскресенье—на веселье.¹⁶

Или:

Понедельник—бездельник,
 вторник—подворник,
 среда—посконная борода.¹⁷
 и т. д.

Есть большой отдел детских песен, не связанных ни с календарными датами, ни с играми; на языке исполнителей они называются «просто песни». Трудно остановиться на каком-нибудь одном примере—так их много и среди них немало привлекательных. В с. Гуране, Тулунского уезда, восьми-девяти-

летние ребята (дети новоселов из разных губерний Европейской России) напевают, например:

Тара-ра, тара-ра,
 вышли кони сы двара;
 как у нашыва гыспадина
 разыгралася скатина,
 утки у дудки,
 бараны в барабаны,
 каза ходит в сарахване,
 волк ходит у сиртуке,
 носит трубку на руке.¹⁸

Нет ясно различимой границы, которою можно было бы отделить от произведений этого отдела *песенки-стих творения*, «котсырми, — по словам Шейна, — дети, вышедшие из младенческого возраста, уже начинают сами себя тешить и забавлять.

В качестве примера достаточно будет упомянуть общеизвестную детскую *потешку*:

Тень-тень, перетень,
 выше города плетень
 и т. д.

Среди произведений песенного творчества, связанных с детскими забавами, должен привлечь к себе внимание собирателей интересный отдел песен-обращений, не без основания некоторыми исследователями сближаемых с *заклинаниями*. Этот отдел представляет большую ценность для этнографов, так как здесь для них — введение в область волшебных слов и изречений; заклинаний, где ритмически произнесенное — пропетое или сказанное — слово может вызвать желаемое и ожидаемое действие. Этнографы

путешественники у многих народов отмечают особый вид игр с животными и насекомыми. Произносятся определенные слова, напевая известные песенки, дети будто бы заставляют насекомых или животных исполнять те или иные действия. Напр., у одного туземного племени юго-восточной Африки девочки, увидав греющуюся ящерицу, становятся перед нею и, хлопая в ладоши, поют: «Большая ящерица, закинь, закинь назад голову»!.. Ящерица будто бы качает головой все время, пока перед нею бьют в ладоши.¹⁹

Подобные игры можно считать весьма распространенными. Они известны в Западной Европе и в России.

«Чтобы улитка высунула рожки», на юге России (Киев) мальчуганы поют:

Лаврик, Павлик,
высунь рожки
на четыре стожки;
тебе два, мне два—
поделим оба-два.²⁰

Известны подобные обращения к жучкам, живущим на цветках дикой ромашки,²¹ к божьей коровке, к растениям.

Есть песенные обращения к летающему коршуну или ястребу. В Боровом, Акмолинской области, завидев хищника, ребята хором кричат:

Коршун, коршун колесом,
твои дети за лесом,
курицы в амбаре,
петух на базаре.

К этой же группе словесных произведений нужно отнести песни-заговоры, которыми, по выраже-

нию Шейна, «дети окликают радостно первый дождь, приветствуют первое теплое солнышко, первую радугу», а затем и «во все лето встречают эти явления природы». ²²

Дождик, дождик,
припусти... и т. д.

Солнышко, солнышко,
выгляни в окошечко... и т. д.

Эти песенки-обращения общеизвестны, но выискивание их должно быть не менее настойчивым, чем запись других, малораспространенных текстов.

Среди разновидностей детского фольклора не должны затеряться *стишки-небывальщины*, или—по Чуковскому—«стишки-перевертыши»; напр.

Он на пегой на телеге,
на дубовой лошади... и т. д.

Весьма видное место в детском творчестве занимают стихотворные произведения, относящиеся к лирике осмеяния, или к сатирической лирике. Это—*дразнилки* и *издевки*. Составление и использование их имеет задачей высмеять, обидеть человека, издеваться над ним.

Желая избавиться от назойливых ухаживаний мальчугана, девочки дают ему прозвище «девичий пастух» и, изводя его, поют издевку:

Девичий пастух
девок пас,
в грязи завяз... и т. д.

Заподозрят ребята равнодушное отношение товарища к девчурке,—и насмеются песенкой-издевкой частушечного склада:

Коля, Коля, не ярись,
ты в реке умойся;
тебя Галинька не любит,
ты не беспокойся.²³

Кто-нибудь даст повод изобличить или заподозрить его в жалобах старшим,—и надолго обрежется на выслушивание издевки-посрамления:

Фискал, фискал!
по Невскому кишки таскал,
никто не покупал,
сам сожрал.²⁴

Не понравится внешность, обратит на себя внимание костюм, этническая особенность (даже сама принадлежность к той или иной народности),—все будет отмечено, все может стать предметом язвительной насмешки, облакающей в стихотворную форму.

Говоря о детской лирике осмеяния, следует особо отметить *поддевки*. Поддевка представляет собою или краткий искусственный диалог, где нужно ожидать возможности быть поддетым, т. е. пойманным на слове, или диалог естественный, в котором человек ловится на слове совершенно неожиданно для себя. В качестве примера диалога первого рода можно привести такой:

- Скажи: вожжи.
- Вожжи.
- Ты украла дрожжи.

Образцы таких диалогов—бесчисленны, как и примеры диалогов второго рода. Вот несколько общераспространенных поддевок.

Мальчуган, по какому-либо поводу выражая согласие или, наоборот, угрозу, говорит сверстнику:

— Ладно, ладно...

— Наладил, так играй!..—подденет приткий остроумец. А иногда и сам «нарвется» на «подхватчивого» и получит в ответ:

Ты—поддевала,
собачье обдирало...

Поддевка далеко не всегда занозиста; иногда она имеет характер не задирающей, хотя и острой шутки.

Острозыкий ребенок, вдруг появляясь в толпе товарищей, с серьезным видом обращается к ним:

— Ребята!..

Все устремляются к нему. А он только срифмует:

— Рожь не жата,
овес не молоченый...

Нередко поддевки состоят из длинного ряда взаимно расточаемых острот, разрастаясь в большой диалог. Говоря о них, следует обратить внимание, между прочим, на те диалоги-поддевки, которые завязываются высказанным в той или иной форме обращением с просьбой дать что-либо («дай серки», напр., и мн. др.) и последующим рифмованным ответом.

Это замечание относится и к особой разновидности этой группы произведений -- *поддевка-заман-*

кам, представление о которых может дать такой пример:

— Я буду рассказывать, а ты говори: «и я тоже».

— Ладно.

— Пошли мы в лес.

— И я тоже.

— Вырубили корыто.

— И я тоже... и т. д.

Существует немало поддевок, которыми ребята пользуются, занимая места на общей постели («Я — у стенки, в золотой пенке» и т. п.), поддевок, связанных с рассказыванием вымышленных сновидений («Я видал во сне, будто»... и т. д.)

Почти все виды названных сейчас словесных произведений имеют вполне самостоятельное значение, живут каждый своей собственной жизнью. Но известны в детском фольклоре и такие произведения, жизнь которых прочно связывается с каким-нибудь более сложным образованием. Здесь нужно назвать *считалки* и *жеребьевки*. Как цветной, с блестками, камешок, вделанный в добрый суперик, вправлена иная четкая считалка в ткань сложной детской игры. Считалки — рифмованные и нерифмованные — применяются для установления очереди, для определения, кому начинать игру (см. отдел об играх, стр. 56) Они состоят в том, что кто-нибудь из участников налаживающейся игры произносит произведение, обыкновенно стихотворной формы, слегка ударяя товарищей при каждом слове или слоге.

Первичики, другичики,
на голубе, на жолубе,

ставка, пленка,
сучек, обручек! ²⁵

Считалки являются очень распространенными и разнообразными.

Жеребьевки служат, в общем, тем же целям, что и считалки, и применяются для разделения участников затеваемой игры на партии; как и считалки, они бывают рифмованными и нерифмованными.

Матка, матка,
каво нада —
каня варанова
али барабана залатова?

Очень видное место в детском фольклоре занимают *скороговорки*, или *частоговорки*. Заслуживают большого внимания не только обычные, основанные на трудностях произношения, но и частоговорки, состоящие из удобопроизносимых коротких фраз и даже отдельных слов.

Это — самые невинные короткие фразы и слова, когда они произносятся обыкновенным образом, неторопливо, но окрашиваются определенным налетом или даже получают иной, не всегда скромный смысл, когда повторяются много раз кряду и произносятся очень быстро. Ничего не подозревающий участник беседы, согласившись на предложение товарища повторять как можно «чаще» (быстрее) подсказанную фразу или слово, добросовестно делает это; покамест его слух не уловит получающегося неожиданного смысла.

Различные виды *загадок* и *задач* бытуют, главным образом, в детской среде. Здесь надо различать *собственно загадки*, о которых все имеют достаточ-

ные представление, а затем *задачи* (образец которых имеем в общеизвестном примере: что тяжелее — пуд сена или пуд железа?) и *вопросы* (напр: «Ты можешь пирибросить чириз заплот агурец салёнай?» — «Канешна, пириброшу»... — «А вот ни пирибросишь»... Дело в конце концов разъясняется. «Ты можешь пирибросить через заплот огурец с Алёной?» — так, оказывается, нужно было понять вопрос).

Записывать необходимо и отгадки и «решения» задач; интересно повывслеживать, как сочиняются загадки; может быть, путем расспросов удастся выяснить, какие загадки известны с давних пор и какие «проявились» недавно. Здесь же попутно следует сказать об *озадачивающих замечаниях*, в основе которых лежит каламбур; напр., подходя к мальчугану или девчурке, товарищи, словно удивленные, говорят, указывая на швы рубашки: «у тебя вши-то, вши-то!». (вместо «вшиито»; ср. также: «сколько вшей?» вместо «сколь ковшей?» и мн. др.)

Прозвища, прибаутки и остроты надо записывать с указанием поводов, вызвавших их появление или применение. Интересный материал могут дать записи детских *примет и поверий*. «Когда деревенские ребятишки отправляются в лес по грибы, — рассказывает Шейн, — то дорогой они обыкновенно бросают вперед себя корзинку и, по положению, которое она примет по падении, стараются *отгадать* последствия своего похода: если, например, она ляжет на землю дном, то будет набрана полною, если станет ребром, то только в половину, если же, наконец, вверх дном, то она останется совсем пустою. При этом они приговаривают нараспев:

Ставчик, бурчик,
сам кавурчик,
стогом, рогом,
свинья под порогом.

При возвращении же из леса с удачной добычей они приговаривают уж так:

Уж ты гриб грибовой!
доведи меня домой,—
либо сам, либо сын,
либо пасыночек,
либо барченочек.²⁶

Поверья существуют у маленьких христовлаво (шьёт мешочек для денег ночью, чтобы никто не видел: удача будет), у мальчуганов-рыболовов и т. д. и т. д.²⁷

Заслуживают внимания и устные стихотворения школьников, как старые, давно известные («ер-еры—упал с горы» и т. п.), так и новые (разновидность издевки), рожденные современностью; напр., по адресу мальчика, который «корчит дурака», говорится двестише:

Представитель дураков—
это Кешка Остяков...

О любителе рыбной ловли декламирук..

Председатель карасей—
это Маковкин Сергей...²⁸

Наблюдая летние и особенно зимние детские занятия, можно собрать крайне любопытный и поучительный материал. Собравшись в кружок на полянке перед домом, а то на печи или на кровати, ребята, главным образом—девочки-няньки и их подружки, рас-

сказывают иногда *сказки* (кажется, единственный вид прозаических детских произведений). Кроме тех сказок, которые они знают от старших, они *сами создают и сказочные образы и целые сказки*. На те и другие следует обратить усиленное внимание.

В одной из известных мне крестьянских семей две девочки—пяти и семи лет; они «придумывают» и рассказывают сказки о *живых куколках*, которые образуются под землей из закопанных оббитых в кружок стекляшек. При закапывании нужно соблюдать тишину и затем все сохранять в тайне. Через год появится живая куколка, которая движется и говорит. О них много рассказывается. Зимой они живут под снегом и вечерами выходят кататься на маленьких санках и пр. и пр.

Те же девочки рассказывают свои сказки о *Латьке*. Она—голубоглазая не то девочка, не то женщина—злой дух девочек, мешающая им хорошо делать игрушки, и т. д. и т. д.

Заслуживают глубокого внимания наблюдения над *зарождением* подобных сказок и рассказов, над *распространением* их, над *условиями и способами передачи*, над *последующими редакциями* и т. д. и т. д.

Нет нужды скрывать: этот отдел детского фольклора представляет большие (но не непреодолимые: по Холлу, «любовь и изучение усиливают друг друга») трудности для наблюдателя. Выслушиваемую редакцию сказки (будь то позаимствованная у взрослых сказка или сказка-импровизация), нужно записывать дословно; детская сказка только в том случае будет доступна для изучения, когда записи текстов будут сопровождаться необходимыми указаниями, о которых кратко речь будет ниже (см. стр. 35—36)²⁹

Соблюдение этих условий обеспечивает возможность надежного изучения детского творчества в этой области, в частности—поможет подметить пути и приемы построения словесных произведений, отбор и использование имеющихся возможностей, общие нормы выбора между возможными выражениями мысли и настроения и пр.

При изучении детского поэтического творчества необходимо остановиться на явлениях переkreщивания творчества взрослых (унаследованного, заимствованного детьми) и достижений самостоятельного детского творчества. Отсюда—задача наблюдателя: обратить внимание на *общий фольклор в детском использовании*.

Для того, чтобы словесное творчество взрослых нашло отклик у детей и в том или ином виде усваивалось ими, оно должно находиться в известном соответствии с интересами и запросами детского мира; иначе говоря, необходимо, чтобы в творчестве взрослых дети узнали *свою* преднамеренность, уловили *свой* образ красоты.

Первые словесные произведения, которые исполняются взрослыми для детей и перенимаются детьми, это—*колыбельные песни* и разновидности *потешек*. Если принимать во внимание происхождение колыбельной песни, ее следует отнести к общему фольклору; но в виду того, что исполнителями и хранителями ее дети, главным образом—девочки, являются не менее часто, чем взрослые женщины, нетрудно найти основания уделить ей внимание здесь, в беседе о детском фольклоре.

Бытование колыбельной песни в каждой семье, обилие текстов и вариаций делают наблюдения благодарною работой. А значение ее огромно.

«Даже в пределах музыкальных целую книгу можно написать о «колыбельной»; о пути ее из крестьянской избы, от люльки на скрипучем очепе—до «эстрады» с превращением попутно в «ариегту—berceuse», распеваемую лирическим тенором перед тысячеголовым младенцем почтенного возраста и о сне (в концертном-то зале!) отнюдь, конечно, не мечтающем»³⁰. Будет большим упущением, если, собирая материалы по колыбельной песне, наблюдатель не обратит внимание на исполнение этих песен в игре (напр. «в клетки»), на песни при укачивании кукол.

Разновидность упомянутых раньше потешек исполняется не самими детьми, а матерями и няньками; мелкие тексты их являются общераспространенными, например:

Ладаньки, ладаньки,
где были?—у бабаньки... и т. д.

Говоря об общем фольклоре в детском исполнении, надо иметь в виду *заговоры и наговоры*, известный минимум которых (в предупреждение появления ячменя, укуса змеи и некоторые другие) взрослые стараются сообщить детям как можно раньше.

Вот главные виды детского фольклора, которые могут быть исчерпаны намеченными здесь в общих чертах темами. Разработка каждой темы выразится в том, что наблюдатель 1) соберет по возможности все тексты, какие в доступном ему районе (заимке, деревне) удастся разузнать; укажет, как данная группа произведений называется исполнителями; 2) обстоятельно, не боясь «лишних» подробностей, расскажет, в каких условиях, при каких обстоятельствах, каким образом рассматриваемый вид словесного творчества используется (исполняется); 3) сообщит, если

окажется возможным, давно ли, откуда, как, при каких обстоятельствах собранные им произведения появились в наблюдаемом месте; 4) расскажет как о наиболее выдающихся, так и менее одаренных исполнителях, об их аудитории, отношении к ним.

Значительная часть словесных произведений, которая имеется здесь в виду, должна рассматриваться, как *творчество самих детей*; на основании его можно делать попытки уяснить психологию детства и т. д. и т. д. Некоторая доля детских произведений, возможно, является позаимствованием из общего фольклора и может быть рассматриваемая так же, как этнографу надлежит рассматривать заимствования вообще.

С распространением грамотности и книги в детский быт вошло что-то новое, незнакомое отцам и дедам. Часть этого нового прошла бесследно для детского быта, но часть, сделавшись предметом внимания, вошла в сознание детских масс и, как элемент, в детский обиход, в детский быт. Это новое—*творчество взрослых для детей*, то, что можно назвать *детским лубком*.

Неграмотные деревенские дети часто поют: «Коробочку», «Что ты спишь, мужичек», «Травка зеленеет», няньки—«Казачью колыбельную песню»... Эти стихотворения, через книжку и грамотных посредников попадая в неграмотную детскую среду, теряют авторское имя и входят в том или ином виде в детский репертуар.

Степени приближения к удовлетворению запросов потребителя весьма различны. Наиболее удачные произведения воспринимаются с тем, чтобы сохранять и

передавать их в полученной редакции; некоторые позаимствования из лубка детские массы перерабатывают и хранят в новых редакциях, иной раз в трудно узнаваемом, так сказать, сплюсненном виде. Такова, в общем, судьба позаимствований и у взрослых.

Как не может этнограф игнорировать влияние лубка на жизнь изучаемой народности, так при наблюдениях над детским бытом он должен обратить внимание на творчество лубка для детей, на влияние детского лубка: поскольку на него имеется спрос у массового потребителя—детворы, оно в той или другой мере выявляет вкусы и интересы детей, направляет их, влияет на них.

Произведения «книжной» литературы входят в обиход городской детворы и просачиваются в деревенскую и заимскую глушь. Было бы в высокой степени интересно проследить судьбу этого лубка, способы и пути его проникновения в *детскую массу* в разных местах и разных условиях, влияние, уследить форму, какую принимают произведения «книжной» литературы, попав в неграмотную детскую среду.

Изучение детского фольклора, как и вообще научная работа, может ставить себе цели теоретические и практические. Наибольшая важность—в теоретических изучениях, где находит себе исход чистая, незаинтересованная работа научной мысли. Но нельзя пренебречь и целями другого порядка, при которых в изучениях детского словесного творчества усматривается и преследуется нечто полезное, выискивается некоторое *средство* для осуществления иной цели—удовлетворения жизненных нужд и потребностей.

Изучение детского устного творчества имеет значение для общесфольклорных исследований. Для уясне-

ния жизни и природы устно-народной словесности эти изучения дают не только новые факты; они существенно меняют самые условия исследовательской работы. В детском фольклоре, изучаемом «на корню», представляется возможность наблюдать творческие процессы в наиболее простом, в наиболее обнаженном виде; исследователь фольклорист, в худшем случае, может к нему обратиться с теми же целями и теми же измерениями, с какими Лев Толстой и другие писатели обращались к «народным» книгам: в последних писателя интересует не примитивность и простота приемов, которые в «хороших» художественных произведениях осложнены, сглажены и скрыты.

Детский фольклор дает возможность наблюдать происхождение и в отдельных случаях — зарождение произведений, обработку их, использование, роль отдельных лиц (мастеров слова) и участие коллектива в создании их — в сравнительно короткий период времени; перед наблюдателем, живущим постоянно на одном месте, проходит не одно детское поколение.

Прикладное значение изучения детского фольклора понятно всякому, кто так или иначе соприкасался с областью педагогики, в частности, например, с работой преподавателя-словесника. Как общее явление (редкие исключения в счет не могут идти), наблюдалось и наблюдается, что наиболее *скучный* отдел в школьной истории нашей литературы — устная словесность; наиболее *трудный*, и тоже не из живых, предмет в общей сумме школьной премудрости — теория словесности. Это понятно. Интерес к бытине, к обрядовой песне и т. п. обусловлен высокой культурой того, кто к ним подходит; изучаемая в курсах теории словесности поэтика произведений, далеко не во всем доступных пониманию детей и подростков, не может быть легкой для усвоения.

Не готовя знаний впрок, а давая их детям и подросткам «на потребу», названные отделы школьных курсов словесности нужно построить на готовом, знакомом, но еще не продуманном материале, интересном и понятном. Таким материалом является детский фольклор. Замена обычного, принятого, «серьезного» материала произведениями детского устного творчества едва ли существенно отразится на объеме «теории словесности»; если и отразится, то выигрыш будет в смысле усиления интереса к предмету и углубления результатов работы.

Материал, даваемый детским фольклором, обеспечивает возможность говорить и об эпосе, и о лирике, и о драме.

Диалогическая форма словесных произведений дана в довольно значительном числе издевок. Перебрасывание этих песенок из одного враждующего детского лагеря в другой, следование их во время исполнения одной за другою часто носит характер словесного состязания, весьма близкий к диалогу.

Обычная форма поддевок—диалог.

Многие игры, как постоянные, так и импровизации,—настоящие драматические произведения («в цари», «ангел божий», игры в свадьбу, в торговлю, в войну). В них—не только *воспроизведение* жизни взрослых, в них—именно *игра*. Если есть основания искать «истоки драматургии» в народной игре и песне, нет оснований оставлять за пределами поля зрения область детской песни-забавы и песни игры. Педагоги—организаторы школьной сцены поступят правильно, если воспользуются готовым опытом детей в этой области.

В примитивной драме, именуемой детской игрой, есть своя сцена—«та или иная обстановка, например, пригорок, куст, где бы мог спрятаться играющий и т. п.; она проходит в строго определенном порядке, с соблюдением своих условий; игра—живое действие, в ней есть свои роли, и дитя-актер должен стараться передать психологический тип изображаемого лица: старухи, волка, разбойника и т. п.; наконец, игра сопровождается, в большинстве случаев, диалогическими приговорами. Народные детские игры стоят в тесной органической связи с народно-поэтическим творчеством, взятым во всей его полноте, проникнуты его духом, носят на себе черты его стиля: большинство из игр тяготеет к хороводной форме; в приговорах, сопровождающих игры, мы встречаемся с обычными песенными оборотами языка—тавтологией, характерными эпитетами (черная речка, золотой перстень, черная смородина, рифмой-эпитетом: коршун-моршун, калина-малина). В жизнь детей игра вносит элемент живого художественного творчества и развлечения и, следовательно, имеет все важное значение искусства»³¹.

Лирика может быть проработана на песенном материале; при чем сатирические произведения (издевки) как нельзя лучше помогут уяснению понятий эпиграммы, юмора и т. д.

Сказки и близкие к ним произведения дадут материал для суждений об эпосе.

Детский фольклор дает богатый материал для уяснения приемов поэтического творчества. В пределах только одного отдела сатирической лирики можно наблюдать несколько разновидностей эпитетов, сравнений, гипербол, повторений и пр.

Трудно найти более совершенный и более доступный пониманию материал для выяснения понятия ритма, чем некоторые виды словесного творчества детей. Вот два-три примера.

Чтобы избавиться от воды, налившейся во время купанья в уши, ребята прыгают на одной ноге по берегу и, наклоня голову то в ту, то в другую сторону и прижимая ладонь к уху, приговаривают в такт прыжкам:

Мышка, мышка,
вылей воду
под железную колоду.
дыровато решето... и т. д.³².

Скаканье на одной ножке, как игра или забава, тоже иногда сопровождается чтением—скандированием стихотворения:

Кизин-мизин, я—киргизин,
кизка-мизка, я—киргизка,
тарка-барка, я—татарка,
тарин-барин, я—татарин³³.

Подобных примеров удивительно много, даже если оставить в стороне поразительно большое количество считалок, дающих тоже прекрасный материал для указанных целей.

Педагог, практик и теоретик, особенно словесник, непосредственно заинтересован в собирании таких произведений детского творчества в слове: «около них речь ребенка вызывается к самой яркой деятельности»: считалки приучают к ритму, рифме и скандированию³⁴, как жеребьевки—к выразительности и импровизации.

Понятие о мерной речи, о размерах (ямб, хорей и пр.), о рифме и ее видах (мужская, женская, белый стих и т. д.),—все это можно успешно проработать, даже не выходя за круг детской сатирической лирики.

В интересующей нас мере вся область «науки о стихе», не исключая вопросов звукописи, или словесной инструментовки, прекрасно иллюстрируется примерами из детского фольклора. Едва ли не достаточно привести, в качестве образца, всем известную песенку:

Тилинь-*бол*, тилинь-*бол*!—
загорел у кошки *дом*,
пошла курица с *ведром*
заливать у кошки *дом*...

Вероятно, и приведенных здесь указаний достаточно для утверждения, что детское устное творчество может не только «уложить в себе несколько отделов из теории словесности»³⁵, но в существенных чертах исчерпать все содержание школьной теории словесности.

Общественная жизнь и правовой быт.

Уже говорилось, что преимущества этнографического изучения детства в том, главным образом, и заключаются, что оно имеет своим объектом «детские массы».

Процесс человеческого общения (будем ли мы иметь в виду взрослых или детей—все равно) сводится к взаимодействию отдельных людей. Но так как в психике каждого из индивидов происходят серьезные изменения именно под влиянием общения,³⁶ это взаимодействие становится предметом особого изучения.

Особенности психики детей определяют заметные различия в формах их общения.

Собирая материал для детского календаря, наблюдатель наталкивается на несколько форм проявления детской общественной жизни.

Перед наступлением святок дети объединяются в немногочисленные *артели* христовославов, собираются в избе, в зимовье или бане у кого-нибудь из участников артели, спеваются, сговариваются. С наступлением зимнего праздника бегают по избам, «славят». Нередко при этом интересы двух или нескольких артелей сталкиваются: кому «вперед отславить» в том или ином доме и другие вопросы иногда приходится разрешать в горячих схватках. В больших селах конфликты и схватки возникают из-за территории, из-за улицы. Условия, на которых участники входят в артель, не всегда одинаковы, особенно в пункте, предусматривающем дележку «выславленного». При дележке нередко возникают конфликты... Иной раз дело доходит до апелляции к старшим.

Все эти замечания можно повторить, говоря об артелях «славельшыков», которые в новый год ходят по избам «подсеять».

Отправляясь «на горку», «на полянку» (девочки в семик, например), «на маѣвку» (школьники), ребята устраивают «складчину», внося известный пай продуктами или делая денежный взнос. Условия, на которых сходятся ребята, обыкновенно выясняются заранее.

В приречных поселениях можно наблюдать, как ребята, отправляясь «рыбачить», объединяются в небольшие артели. Одни члены рыболовной артели «загоняют рыбу», другие—удят, третьи—собирают пой-

манную рыбу, «наживляют червяка» или насекомое. Дележ добычи определяется или уговором или традиционными нормами «обычного права». Заслуживают большого внимания детские артели ловцов птиц и зверей (например, жуланов, зайцев).

Детям знакомы не только виды кооперации хозяйственного порядка; у них можно (и должно) наблюдать «преступные организации», ставящие целью, например, опустошение чужих огородов, «боевые организации», составляющиеся в те моменты, когда «край на край встает войной» («верховские» ребята идут на «низовских») и т. д. и т. д.

Перечень подобных примеров можно было бы значительно удлинить, если бы встретилась в этом надобность. В наших целях достаточно и приведенных.

Если бы поставить себе задачей составление исчерпывающе полного *словаря* названий и терминов, связанных с перечисленными временными детскими объединениями, и этим ограничить работу по наблюдению жизни «детских масс», и то получилось бы нечто в высокой степени поучительное и интересное.

Наблюдая общественную жизнь детей и изучая связанный с нею «правовой быт» их, необходимо охватить по возможности все формы этой жизни и нормирующие их традиции, правила и уговоры. Кроме сведений об артелях и других коллективах, следовало бы собрать материалы, освещающие, в частности, первые выявления и развитие психики права собственности³⁷. Здесь должны привлечь внимание наблюдателя знаки собственности на игрушках, например, на бабках и на других вещах, права на находку; условия, определяющие права одного товарища на использование «куренья» ягод или «сада» грибов при совмест-

ных поисках их и т. п. В связи с этим—реакции на разные нарушения права собственности: на попытки оспаривать его, отнять и присвоить себе вещь, игрушку, самовольно пользоваться ею и проч. Обыски. Формы посягательства и наказания.

Достойны внимания наблюдателя детской жизни выявления элементов *договорно-обязательственной права*, заключение и исполнение разных меновых и дарственных договоров, как и договоров ссуды, поклада. Раздел игрушек и других вещей между братьями, сестрами, товарищами, порядок дарения (возможность отобрания подарка, поводы к этому); заем (на слово, под залог) и способы взыскания долгов; помощь в работе, возложенной взрослыми, и отработка; предоставление вещей во временное пользование на известных условиях, отдача вещей на хранение с обязательством возвратить и проч.

Интересны материалы, освещающие ту область взаимоотношений, которую можно назвать *деликтными обязательствами у детей*. В случае нечаянно причиненного ущерба (обиды), случайного повреждения или утери чужой вещи дети сами, без оказания на них воздействия со стороны, находят справедливым подчиниться притязанию (даже не выраженному) потерпевшего на возмещение ущерба или вреда: ребенок просит, например, «дать сдачи» ему, т. е. ударить его, если он обидел товарища ударом, или предоставляет взамен испорченной или утерянной им вещи собственную вещь, деньги и пр.

О *договорах товарищества*, иногда «преступного» свойства, уже упоминалось, когда речь шла об артелях и других детских организациях. Здесь интересны, между прочим, такие моменты, как определение целей

и задач, распределение ролей, условия относительно дележа добычи, условия на случай неудачи (поимки, например) и пр. Серьезное и важное значение имеют права равенства и обязательства солидарности с вытекающими отсюда обязанностями нести со всеми равную ответственность за общие проступки или даже «отдуваться за всех», не выдавать, не доносить. Надо обратить внимание на способы изобличения виновных; в связи с ними—на суд и на расправу. Являясь судьей и защитниками, дети «на разу» осуществляют свое неписаное право, понятное уму и сердцу каждого участника их общественной жизни.

Наблюдения страдали бы от неполноты, если не обратить внимания на *детские суды*, на кару за нарушения норм обычного права, уговоров и правил: лишение общения, публичное посрамление, апелляция к взрослым; особого внимания заслуживают наказания кляузников, доносчиков (школьные «оправдашки»), пытки, месть в разных видах и пр. Здесь мы входим в область *карательного права*.

Во взаимных отношениях между детьми неравного возраста можно наблюдать действие прав старшинства, привилегии, иногда—права власти, опекунского права. Как ни общеизвестны относящиеся сюда явления, нужно собрать как можно больше фактического материала.

Изучение права вообще и отдельных его видов и элементов, норм, определяющих взаимные отношения различных групп детского общества, в этнографических изысканиях имеет громадное значение, в частности—для исследования обычного права: отражение правовых норм взрослых, а может быть, право в эмбриональном состоянии, условия и процесс

развития, процесс оформления норм и их выражения и т. д.,— вот что ищет исследователь - этнограф, обращая внимание на общественную жизнь детей.

Правоведы смысл изучения детского правового быта видят в возможности «обогатить науку о праве интересными и важными фактическими данными и теоретическими положениями относительно появления и развития в человеческой психике права вообще и отдельных его видов и элементов» (Петражицкий).

Грозно встающий в наши дни вопрос о детской преступности и о детских судах должен способствовать усилению интереса к жизни детских масс, в частности—к вопросу о понимании ими дозволенного, недозволенного, должного и т. д.

Большое значение имеет изучение общественной жизни детей и их правового быта для педагогики. Учителю и воспитателю нередко приходится быть в роли судьи и следователя, разбирая дела тяжущихся сторон. Удовлетворительно справиться с такой задачей может только лицо, знающее основы и все пружины детских общественных взаимоотношений.

Когда вчитываешься в педагогическую литературу о школьном самоуправлении, вслушиваешься в жалобы на неудачи при практических попытках провести самоуправление в жизнь школы,—удивляешься тому, что здесь учитывается, кажется, все (психология возраста, пола и т. д.), кроме того, что необходимо учесть прежде всего: запас прежних представлений, понятий в области права, норм взаимоотношений, т. е. всей совокупности «детского обычного права». Исходить нужно из них, как из основания, из почвы. Если школьное самоуправление, кроме близ-

ких практических задач (облегчить работу учителя, разгрузить его от некоторых забот), ставит себе и отдаленные цели - «достижение нормального и социально-полезного направления жизни и поведения в будущем и для выработки здорового и цельного характера» будущих граждан, то достижение этих целей должно идти через использование накопленного в детстве, в семейных условиях и в естественных детских коллективах, опыта.

Игры и игрушки.

Говорить о важности изучения детских игр и забав нет необходимости в виду того, что на этот счет имеется большая литература. Достаточно напомнить, что игра составляет главное содержание как личной, так и общественной жизни детей. Оставить без внимания детские игры—значит пренебречь основным материалом для изучения детской общности и того, что мы, с известной долей условности, называем *детским обычным правом*. Игра у детей—не частное, а межлюдское дело, и поведение каждого участника здесь определено строгими, выкованными нормами, которые выражены «необыкновенно ясно и подробно и признаются беспрекословно всеми, как ни один писанный закон. Мало того, к ним с привычным уважением относятся и люди взрослые, в игре участия не принимающие; и, правду сказать, они заслужили это уважение, как замечательно справедливые и соблюдающие равенство шансов в своей маленькой области. Только ловкость и умение, приобретенные опытом, подчас горьким и

дорогим, пользуются покровительством этих законов; слепому случаю ставится, по возможности, малая роль, а всякая попытка сплутовать жестоко наказывается». ³⁸

Интерес к этим неписанным законам усиливается еще тем, что в них представляется возможность наблюдать не только их застывшие формы, но и формы, создающиеся на наших глазах или приспособляемые к тому или иному случаю, к той или иной потребности. В формальных играх, т. е. играх с определенными, постоянными правилами, позволительно видеть законченные формы отношений, вылившиеся в ясно, всеми одинаково сознаваемые, истолковываемые и применяемые нормы. В играх-импровизациях («придуманых»), нормируемых наскоро вырабатываемыми правилами («уговорам»), имеем дело с только что намечающимися, подвижными и неустойчивыми взаимоотношениями, которые еще не успели получить отчетливого закрепления в нормах.

Говоря о прикладном значении изучения детских игр, приходится иметь в виду, главным образом, утилизацию их при воспитании детей. Накопленные материалы по детским играм будут весьма полезны педагогу, когда он задастся целью произвести анализ игр. Он примет в расчет возраст и пол играющих, возьмет во внимание распределение игр по временам года, выяснит причины и определит целесообразность такого распределения. Наблюдение игр покажет, какие виды деятельности особенно соответствуют потребностям ребенка в разные периоды детства мальчиков и девочек. Анализ игр откроет, какие главные виды умственной и физической деятельности

закljučаются и развиваются в каждой из них, какие познания вместе с тем могут быть усвоены при посредстве каждой игры. Последнее соображение можно иллюстрировать частным примером, интересным преимущественно для учителя-словесника. «Изложение условий игры, распределение ролей, считалки, переклички, иногда с пением...,— вот пункты, около которых речь ребенка вызывается к самой яркой деятельности. Результаты дают себя знать: изложение условий игры способствует *точности и краткости речи*. Считалки (как уже отмечалось) приучают к *ритму, рифме и скандированию*. Переклички — к *выразительности, драматизации и импровизации*. Некоторые игры требуют *монолог* (отсюда — вдохновение на творчество в данных пределах, на складную речь, на остроумие и пр.). Игры подражательные на тему из жизни (в школу, в гости, в разбойников и пр.) обостряют наблюдательность и находчивость «Художественность» реплик тут же отмечается и критикуется детьми. Каждый обязан творить, исходя из стиля принятой роли: «разбойник», несомненно, говорит своим стилем, а «учитель» — своим. Это — миниатюры-сценки, драмы, комедии». ³⁹

Следует описать *все* детские игры, какие наблюдаются в данной местности: игры одиночные и групповые, игры с определенными правилами (т. наз. формальные, как, наприм., лапта в разных видах) и игры-импровизации (напр., в разбойников, в свадьбу, в обоз), игры с приспособлениями для них (в городки, в мяч, в свайку) и игры без них (гуси-лебеди, горелки), игры с пением и без него, комнатные игры и игры под открытым небом... Наименьшей полнотой в этнографической литературе отличаются материалы, касающиеся неформальных игр для разных периодов

детства, каковы: хозяйство, зодчество, имитация обрядов и т. п. Эти игры-импровизации, как отражающие быт взрослого поколения и внутренний мир детей, имеют большое значение и для этнографа и для педагога. Им нужно уделить много внимания, как, впрочем, всем играм: и тем, которые можно наблюдать в данной местности в данный момент, и тем, о которых удастся узнать путем расспросов старых людей, которые на памяти стариков видоизменились или вышли из употребления, забылись. «Неинтересные», «бессодержательные», «глупые» игры, как и все другие, подлежат регистрации и тщательному описанию: в приведенных и подобных им характеристиках сквозит оценка взрослых, далеко не всегда умеющих войти в понимание психологии и интересов детей. Если игра родилась и живет, «бытует», значит она отвечает какой-то потребности. Факт ее существования дает ей право на внимание этнографа. В момент собирания материалов по играм делать оценку их с педагогической точки зрения не следует: поспешное заключение может повредить делу.

Не следует пренебрегать «чересчур известными» играми. Как ни мало изучены, например, русские народные игры, все же, если собрать в одно разбросанные в этнографической литературе описания их, получилось бы весьма солидное (даже по объему) издание. Кому приходилось заниматься собиранием материалов о детских играх и делать попытки сличать их с описаниями, имеющимися в литературе, тот знает, что далеко не на каждом шагу собирателю удастся найти игру еще неизвестную, что описания в большинстве случаев являются вариантами уже известных игр. Это, однако, не значит, что работа по собиранию интересных для нас све-

дений близится к концу. Она едва начата. Обстоятельному изучению поддается всякая игра только «в кругу себе подобных»; только в семье вариантов описание игры приобретает большое значение, делается во много раз ценнее, чем единичное описание. Только сличение возможно большего числа вариантов привильно собранных описаний дает исследователю возможность подходить к решению вопросов о происхождении той или иной игры, о ее судьбе и т. д. Поэтому собиратель должен *описывать все варианты игр, какие встречаются в данной местности, не избегая и тех, которые уже имеются в литературе*. Поиски новых, совершенно неизвестных, игр—дело едва ли безнадежное, но все же рискованное в том отношении, что может поставить собирателя в положение открывателя чужой Америки.

Очень многие игры, в продолжение не одного столетия кочуя из страны в страну, от народа к народу, в разных местах, сохраняя сущность, принимают разную форму, переходя из одних условий бытования в другие, меняют свою окраску. Поэтому существенные черты детских игр, можно сказать, немногочисленны; вариации же их почти бесконечны. Значит, опасения на тот счет, что во многих местах будут записаны одни и те же игры, конечно, вполне основательны. Но—тем лучше! Во первых, таким путем будут выловлены все разновидности, все варианты игры; во вторых, в случае совпадений во всех деталях представляется возможность получить основной тип игры в самых устойчивых формах, засвидетельствованных большим числом показаний.

Чтобы собираемые нами материалы имели значение надежного и полного документа, необходимо

при описании каждой игры стремиться дать ответы на ряд вопросов. Вот главные.

1. *Местное название игры.*—Есть игры, которые носят не одно название, а несколько; нужно указать их все. При описании игр какого-либо района помечать (если в разных местах игру называют неодинаково), какое название где именно употребляется. Необходимость указания всех названий мотивируется, между прочим, тем, что оно в иных случаях может направить на след, ведущий исследователя к уяснению происхождения данной игры, к установлению заимствования ее у другого народа и т. д.

2. Если *число участников* ограничено правилами игры, указать его; если не ограничено, отметить и это.

3. *Возраст участников.*—Если в игре принимают участие дети разного возраста, указать пределы. Играют ли взрослые в эту игру?—Указания по этому пункту желательны потому, что дают возможность поставить в связь особенности детской игры с потребностями, наклонностями, вкусами детей этого возраста.

4. *Кто участники* этой игры—мальчики или девочки? Или играют те и другие вместе? В последнем случае—производится ли группировка участников игры *по полу*? Если в игре принимают участие мальчики и девочки, то различаются ли роли и положения тех или других *в зависимости от пола*?

Девочки обыкновенно не играют в некоторые игры, любимые мальчиками (и наоборот, мальчики не играют во многие игры, любимые девочками); но часто это происходит скорее в силу обычая, чем вследствие каких-либо реальных различий между маль-

чиками и девочками. В некоторых случаях девочки охотно принимают участие в играх мальчиков, но не всегда бывают желательными участницами. Важно точно выяснить причины, которые мешают девочкам быть одинаково желательными участниками игры. Может быть, окажется, что причина кроется в особенностях костюма, может быть, в отсутствии полезных для игры навыков, а может быть и, действительно, в половых различиях. Наблюдая игры с целью получить обстоятельные ответы по этому пункту, нужно проявить особенно много внимания и чуткости. Лучше всего этот пункт может быть освещен наблюдениями и показаниями этнографов-женщин. Эти мысли не нуждаются в разъяснениях. Достаточно вспомнить из «Приключений Финна» Марка Твена женщину, приютившую на ночь переодетого девочкой мальчугана, в тот момент, когда она предостерегает его: «Лучше ты не попадайся на глаза женщинам в этом наряде. Ты очень мало похож на девочку; впрочем, какого-нибудь мужчину, пожалуй, еще можешь провести. Вот что я еще тебе скажу: когда ты вдеаешь нитку в иголку, держи иголку крепко, а нитку суй в ушко, — так всегда делают женщины, а мужчины, наоборот, суют иголку. А когда ты станешь бросать что-нибудь в крысу или во что другое, стань на цыпочки, подними руку выше головы и размахнись на целую сажень. Бросай всей рукой с плеча, как делают девочки, а не с локтя, не одной кистью, как мальчики. Еще помни, что когда девочка хочет удержать что-нибудь на коленях, она раздвигает ноги, а не сдвигает их, как ты, когда я бросила тебе свинчатку. Я сразу догадалась, что ты мальчик»...

5. В любое-ли *время года* наблюдается описываемая игра или она связана с определенным сезоном

(напр., *бирульки*—зимняя игра, *в скакулю*—весенняя и т. д.). Не приурочивается ли игра к какому-нибудь определенному, напр. праздничному, дню? Не приурочивается ли к той или другой части дня— к утру, вечеру и т. д. Указания на время игры во многих случаях делают понятным устройство игрушек и приспособлений для игры. Например, у монголов игра *цаган мото* (белое дерево) происходит, по описанию Потанина,⁴⁰ *в лунную летнюю ночь*. Играют до 20, 30 мальчиков вместе. Старики любят смотреть на эту игру и садятся около какой-нибудь колоды или бревна. Игра состоит в том, что от этой колоды бросают *небольшой обрубок дерева* (цаган мото), *нарочно отесанный кругом, чтобы можно было найти его ночью*. Бросают с криком: «кик-кук!» Дети бегут и ищут; кто первый нашел, кричит: «би олау!» и бежит к колоде; другие стараются отнять у него прежде чем он добежит до бревна и коснется до него обрубком; происходит продолжительная свалка.

Подобная игра известна у киргиз в Алтае и Тарбагатае.

6. *Место игры* (где играют: на выгоне, в лесу, около дома и т. д.). Во всяком ли месте она может происходить или для нее нужны подходящие условия? Чем определяется выбор места для нее?—Например, *игра в лунки* происходит обычно на лишенной травы полянке, где представляется возможность быстро зарывать землей мяч и т. п.

7. Дать подробное *описание игры*, отметив и описав приспособления к ней и игрушки (о них будет сказано особо), с которыми она связана, способы измерения расстояния, если они имеют место в описываемой игре. С особенным вниманием отнестись к

уяснению *правил игры*, о которых речь шла раньше (см. стр. 48 и сл.), на случаи возможных нарушений их. Какие попытки сплутовать возможны в различные моменты описываемой игры? Способы обнаружения этих попыток; меры наказания за плутовство. Вообще недоразумения и конфликты во время игры: как (по каким поводам) они возникают и какими путями их ликвидируют?

8. Кто следит за ходом игры, соблюдением правил и проч.? Его название (матка и др.), роль. Кто и каким образом становится вожаком, или главарем игры; по выбору ли участников (в таком случае подробно указать, как происходят выборы) или по заявлению желающего проводить игру (в этом случае записать, как он заявляет о своем желании). Способы, которыми дети определяют, кому начинать игру, кому быть главарем (вожаком) и проч.,—довольно разнообразны; употребительны: рифмованный и не рифмованный счет, жеребьевка (см. ранее, стр. 29 и сл.) и пр. Указать, где возможно, *чем определяется* использование того, а не иного текста счета, присказки и т. д.

9. Если в игру входит, как элемент, разговор или пение, записать разговор, песню. Одна и та же детская песенка в разных местах поется неодинаково; очень желательно поэтому, чтобы песни были положены на ноты. Надо, однако, признаться, что это желание выполнимо в довольно редких случаях. При неумении записывать мелодии приходится ограничиваться описанием характера выполнения приводимой песни (громко, тихо, протяжно, быстро, оживленно, речитативом и т. п.).

10. Выкрики, прибаутки, чуранье и проч. перед началом, во время и по окончании игры. Объяснение

их. Пример, который поможет выяснить необходимость фиксировать этот момент, находим у Потанина⁴¹, описывающего игру *Буху барильджи* (бороться). Для игры нужно две *шягá* (бабка—*talus*, таранная кость); играют двое; предварительно каждый выбирает свою *шягá*; затем игроки мечут поочередно до тех пор, пока чья-нибудь *шягá* не упадет стороной, похожей на тамгу или клеймо S, кверху; тот выиграл и шутя кричит: «пью—ариг» (кислое молоко): *на празднествах борец победитель получает от собрания нойонов чашку ариша*. В данном примере мы имеем дело с *отражением в шре обряда*, как в русском чуранье—с отголоском утраченных верований.

11. Наказываются ли побежденные в игре? Если наказываются, то как именно (ср. игра *с ездой*, чертей гонять и др.)? Форма наказания установлена для данной игры общими правилами ее или она определяется для данного случая? В какой момент?

12. Считается ли данная игра наиболее (или, наоборот, наименее) любимой? Что делает ее любимой: разнообразие ли способов игры (все способы должны быть описаны), точность ли правил, простота или оживленность, выигрыш ли? Если игра связана с выигрышем, то в чем он выражается. Как и когда уплачивается?

Нет ли игр, или забав, когда выигрыш дают взрослые? Например, у торгоутов есть обычай, когда корова родит двойников, пускать детей аула в бег, и кто выбежит первый, тому дарят одного из двойников⁴²

13. Не известно ли (следует попытаться установить путем расспросов), *когда впервые появилась* в данной местности описываемая игра; *кто и при каких обстоятельствах* занес ее сюда? На эти вопросы редко

можно получить ответ, но не во всех случаях исключена возможность установить пути проникновения и распространения той или иной игры. Здесь возможно ожидать влияния чужого элемента (вспомним ссылку—уголовную и политическую, переселение), влияние туземцев, школы, книжки. Находим же мы во многих городах и селах разных сибирских губерний в общественных и частных библиотеках старые—Новиковские и другие—издания. Ничто не мешает предполагать, что проникали сюда такие вещи, как издания игр для детей, которые с конца XVIII века время от времени выходили в России в виде книжек с картинками или в виде нескольких отдельных листков с изображениями и кратким объяснительным текстом. Теперь эти издания¹³ составляют большую библиографическую редкость, а в свое время они могли иметь распространение сначала в «обществе», а потом спуститься в «народ».

14. Не наблюдается ли *изменений* в порядке, правилах или содержании давнишней или сравнительно недавно занесенной игры? Указать, какие именно изменения и под влиянием чего они возникли. Собрать сведения по этому пункту удастся путем опроса, главным образом, старых людей, которые, следует заметить, далеко не всегда безучастны к детским играм.

15. *Район распространения игры.* Следует путем наблюдений или тщательных опросов установить, в каких селах, станицах, деревнях, заимках (назвать их, указав волость, уезд, губернию) известна описываемая игра.

16. *Отношение взрослых* к описываемой игре: одобрительное, отрицательное, безразличное; причины

такого отношения. Обращаются ли к взрослым дети в спорных случаях?

17. Отметить, описана ли данная игра *по личным наблюдениям* или *по опросам* ребят или взрослых, или *по собственным воспоминаниям*. В последнем случае указать, к какому времени и какому месту относятся воспоминания; наблюдается ли эта игра теперь; если не наблюдается, давно ли стала забываться. Если игра описана по опросам, назвать имя, отчество, фамилию сообщившего, возраст, отметить, грамотный ли, откуда родом, давно ли живет в данной местности, чем занимается.

Почти все эти вопросы применимы и при собирании материалов по играм-импровизациям, а также и при описании детских забав.

Говоря об играх-импровизациях, хочется обратить внимание наблюдателей и на старые, вернее— постоянные, игры этого порядка и на вновь рождающиеся, отражающие события и условия жизни переживаемых годов. Небольшой материал такого рода время от времени появляется в журнальной литературе. Одна наблюдательница, например, описывает целый ряд современных неформальных игр городской детворы.

В комнате тихо. Дети стоят гуськом, один за другим: «в очереди стоят за хлебом». Малыши подходят к столику, показывают клочки бумажек— «карточки»—ребенку, сидящему за столиком; ребенок отрезывает от клочка кусочек и дает подходящему один или два деревянных кирпичика, изображающие хлеб, который тот бережно несет в свой «дом».

А потом составляется очередь перед столовой. Столовая за печкой; бойкий мальчик изображает заведующего.

— Сегодня суп хороший,—говорит одна девочка другой,—а вчера совсем был советский, мои дети не ели, пришлось на рынок идти и покупать картошку.

— А я вчера спекульнула хорошо, переменяла селедки на молоко; у меня ведь ребенок маленький,—говорит другая.

...Дети входят в сад на кучу песку, и начинается торговля. При этом они великолепно имитируют современных торговцев:

— Кому яйца, кому яйца?

— Вот масло, самое свежее!

— Кому лепешек, лепешек теплых, свежих?

— Вот картошка, граждане, картошка...

Они знают, что соль нельзя продавать, и прячут мешочки с песком за рубашонки, показывая их украдкой покупателям. И обычная картина всех рынков Петрограда, где все продают и почти никто не покупает, повторяется в детской игре.

Дети и прежде часто играли в похороны: хоронили птичек, поломанных кукол, дохлых котят, щенков. Хоронят и теперь. Я видела,—говорит наблюдательница,—как хоронили дети черных тараканов в спичечных коробках, раздобыв красных лоскутков и бумажек и покрывши ими коробочки: «жертвы революции». Один мальчик привязал камешек на веревочку и собрался кадить, идя впереди процессии. К нему подскочил другой, вышиб из руки его кадило:

— У нас гражданские похороны, не надо попов¹¹.

Приблизительно то же самое наблюдается в играх детворы деревенской.

Почти все эти игры являются настоящим «карманным изданием» подлинной жизни, жизни взрослых. Быт, верования, современность ярко отражаются в них в миниатюрной форме.

Позаимствования, делаемые детьми от взрослых, не ограничиваются областью фольклора. Они наблюдаются и в области игр (напр., игры в карты, в орлянку и проч.) и заслуживают внимания наблюдателей.

Нужно проявить интерес к детским *проказам* (например, завязывание узлов у купающихся—со всеми подробностями, и пр.), к *спорту*. Интересно описать *приемы плавания, состязание в беге, в ловкости*. Все формы, способы и правила *борьбы* («под ножку», «за кушачки» и проч.) следует описать возможно обстоятельнее.

Описания игр и забав будут неполными, если этнографы устранят из поля своих наблюдений детали и частности—принадлежности для игр и игрушки.

Собираетелъ материалов по игрушкам в каждом отдельном случае должен дать себе отчет, с чем он имеет дело: с *собственно-игрушкой* или с *игрушкой случайной*. Имея дело с *собственно-игрушкой*, этнограф различает две разновидности: игрушка—продукт детского творчества и игрушка, приготовляемая взрослыми для детей. Наибольшую научную ценность имеет первая разновидность, как достоверный источник для изучения детского миропонимания. Вторая разновидность дает много недостоверного для детской психологии и детского миропонимания. Надо всегда осторожно устанавливать и определенно указывать, является ли описываемая игрушка *детским изделием* или *изделием для детей*.

«Научные исследования игрушки, — думают знатоки дела, — подвинутся сколько-нибудь успешно только тогда, когда на лицо будут иметься *научные коллекции*, должным образом собранные и снабженные необходимым описательным материалом. Поэтому, прежде всего, работы описательного характера и коллекции с достоверными научными иллюстрациями должны быть предметом ближайших занятий в этой области... Особенно желательно с наибольшим вниманием отнестись к игрушкам, которые делаются самими детьми. Это — разные свистки, дудки, пищики, жужжалки, погремушки, вертушки, кубари, катки (диски, катаемые вдаль), луки, стрелы, самострелы (для метания камней, стрел и т. п.), хлопушки, брызгалки (нечто в роде насоса из пустотелого тростника), выдувалки (для стрельбы горохом, картофелем и т. д.), также игрушки, сделанные детьми в подражание разного рода орудиям сельско-хозяйственного труда, домашней утвари и т. п., которые ими сделаны не как модели настоящих предметов, а как игрушки, т. е. с целью пользоваться ими в их забавах и играх»⁴⁵. Что касается *случайных* игрушек, то «коллекционирование их представляется весьма сомнительным делом. Дети играют камешками, бобами, горохом, листками деревьев и т. д. В коллекции эти предметы ничего не скажут. Но описательный материал для этих детских забав, особенно с иллюстрациями, даст очень много не только для исследования игр, но и для исследования детской игрушки»⁴⁶.

Коллекция детских игрушек будет представлять большую научную ценность, если будет составлена с соблюдением необходимых требований и будет снабжена обстоятельным описанием.

О каждой игрушке в таком описании желательно иметь такие данные:

1. Точное название игрушки (как ее называет владелец);
2. Материалы, из которого сделана игрушка;
3. Когда и кем она сделана (самим владельцем, кем-нибудь из членов семьи, другим ребенком);
4. Если игрушка сделана самим владельцем, указать, если можно, кто научил его (не сделана ли она в подражание другой игрушке, по картинке и т. д.);
5. Способ приобретения игрушки владельцем (если не сам сделал, то не купил ли у кого, за сколько; не подарил ли кто, по какому случаю);
6. Способ употребления игрушки (не используется ли она при какой-нибудь игре, как именно используется);
7. Как широко распространена описываемая игрушка (или подобные ей) в данной местности;
8. Способ приобретения игрушки собирателем (подарок, покупка и проч.; от кого: имя, отчество, фамилия, возраст, местожительство подарившего или продавшего).

Для собирания и описания некоторых из перечисленных выше разновидностей игрушек нужно получить, кроме общ. еще специальные указания¹⁷; так, относительно кубарей желательно знать: обязательно ли для них кнутик делается из палочки и веревочки, какой длины та и другая, из какого материала; нет ли особого названия для кнутика и веревочки; чем раскрашен кубарь; что изображает рисунок; по словам владельца кубаря и мастера; кто раскрашивал; если в кубарь вбиты гвозди, то зачем.

Относительно игрушек, издающих звук полезно сообщать: из каких частей состоит и как части называются; есть ли на ней какие-нибудь украшения, как они сделаны и как они называются; каким способом игрушка издает шум; не употребляются ли такие же или подобные предметы (например, трещотки) взрослыми для каких-либо целей.

О музыкальных игрушках интересно знать: изображают ли они (свистун, сопилка и пр.) что-нибудь; сколько отверстий сделано (пронумеровать их!); сколько из них и какие сделаны для издавания звука, сколько и какие с другим назначением; употребляется игрушка повседневно или в каких-нибудь отдельных случаях; сколько звуков различной высоты может она издавать; какие отверстия должны быть открыты и какие закрыты (указать №№ их) для получения того или иного звука; наигрываются ли какие-нибудь мотивы на этой игрушке (желательно записать мелодии).

Одвигающихся игрушках надо узнавать: что изображает игрушка («пильщики», «танцоры» и прочее); сделано ли изображение правдоподобно или нарочно каррикатурно; как сделаны украшения, если они имеются на игрушке; каким механизмом игрушка приводится в движение; не стоит ли она в связи с праздниками и временами года.

Относительно змеев или змейков, важно знать: из каких частей состоит; из какого материала сделана каждая часть, как называется; чем скреплен змей (нитками, камышом, клеем и пр.); окраска отдельных частей змея; есть ли трещотка, как она устроена и как называется; прикреплены ли к змею какие-нибудь кусочки—где, какие, с какой целью и как называются; окрашен ли хвост, чем, где; какими

правилами руководствовались при изготовлении змея: отношение длины, тяжести хвоста к величине, голове змея, отношение толщины и тяжести рамы к остальным частям; пускают ли на данном змее «письма» (о «письмах» подробно!), их точное название. В случае невозможности доставить змеёк, описать форму его рамы, приложив чертеж.

Для и з о б р а з и т е л ь н ы х и г р у ш е к требуются такие дополнительные вопросы: кто родители владельца игрушки, их занятия и пр.; не стоит ли изготовление, способ употребления и распространенность игрушки в зависимости от промыслов, ремесел, — вообще от условий жизни данной местности; материал для игрушки; как и кем раскрашена игрушка; сделано ли изображение правдоподобно или каррикатурно; упрощено ли изображение или наоборот — заметно стремление передать все мелочи; на какие мелочи обращено особое внимание.

Заглянем, — приглашает один ценитель русской игрушки, — в *purse* (детскую), «где собран кукольный мир. Это маленький конспект всей жизни, настоящий микрокосм, улыбчивый и нарядный». О куклах следовало бы сообщать: изображает ли описываемая кукла неопределенную человеческую фигуру или специально женскую, мужскую, детскую определенной народности; если у ней выделены конечности, то подвижны ли они; механизм движения; материалы, из которых состоят части куклы, способы скрепления частей; если сделано лицо на голове куклы, то каким образом; какие черты лица и каким способом намечены; нет ли попытки изобразить какое-нибудь определенное лицо и чье именно; если лицо не сделано, то почему и часто ли встречаются в данной местности такие куклы; не сделано ли оно с какими-нибудь на-

меренно измененными частями, почему; одета ли кукла в полный костюм или частично, во что именно (местные названия частей костюма); не является ли одежда кукол подражанием местным костюмам—современным или прежним, местным или где-нибудь виденным; не стоит ли изготовление, распространенность кукол, подобных этой, в связи с промыслами, ремеслами и проч. данной местности; не имеет ли кукла собственного имени.

Если по тем или иным причинам высылка игрушек невозможна, следует присылать обстоятельные сведения о них; кроме ответов на вопросы, уже перечисленные для игрушек вообще и для отдельных разновидностей их, нужно дать описание внешнего вида игрушки, указать размеры, отметить, какие части и как украшены, какие лишены украшений и т. д.

Интересно также собрать материал по следующим вопросам:

1. Есть ли в описываемой местности кустарное производство игрушек (не делают ли, например, глиняных пикулек гончары), где именно;

2. кто занимается им: мужчины, женщины; привлекаются ли к нему малолетние;

3. что именно выделяется в кустарном производстве игрушек;

4. бывают ли в данной местности ярмарки и базары; когда, где; продают ли на них игрушки; какие, откуда, кто;

5. не известны ли игрушки, специально приуроченные (изготавливаемые или употребляемые) к определенным дням (например, в некоторых местах Иркут-

ской губернии накануне Нового года делают *фурфарки*, или *фурфалки*);

б. не замечается ли, что дети в выделяемых ими игрушках сознательно или бессознательно подражают каким-нибудь образцам (покупным игрушкам, игрушкам, делаемым взрослыми, и пр.).

Вообще рекомендуется записывать «буквально *все* услышанное об игрушках от их обладателей, и *точно*, т. е. без всяких пропусков, без прикрас и своих придумываний. Для этнографа более ценны такие записи, в которых могут попасться выражения, что хозяин игрушки не знает или не помнит, почему то или другое делается, чем те, в которых объяснения написаны только для того, чтобы что-нибудь написать. Все сведения, даваемые об игрушках их хозяевами, лучше всего писать в кавычках», чтобы отделить их от своих соображений и замечаний⁴⁸.

При собирании коллекции игрушек лучше всего брать те из них, которые были в употреблении, не смущаясь тем, что они грязны или даже поломаны. «Игрушке полагается быть чуть сломанной,—говорит знаток по этой части⁴⁹.—Это ей к лицу. С этого момента и до скорого за ним следующего момента гибели—она действительно ваша»... Игрушки должны быть занумерованы, чтобы не перемешать относящиеся к ним записи.

«Игрушки имеют свою судьбу, как и всякое иное художественное произведение. Поживет, поживет на свете игрушка (самый тип игрушки) и исчезнет»⁵⁰. Следовало бы использовать все возможности, чтобы путем бесед с пожилым и старым поколением собрать хоть какой-нибудь материал, освещающий хронологию сменяющихся типов игрушек.

Детские игры и забавы, а также и приспособления для них, обнаруживают в деревенских детях школьного возраста значительные запасы знаний окружающей природы и жизни,—знаний, полученных эмпирическим путем. Приведение их в известность составляет задачу; интересную и полезную как в теоретических, так и практических целях.

В области зоологии и окажутся интересные попытки классификации птичек, насекомых, наблюдения над их внешним видом, над их повадками и проч. Интересны способы ловли их, содержания в клетках, банках и пр.

Едва ли менее богатой окажется область ботаники. Достаточно указать на обилие названий растений, упомянуть многочисленные «съедобные» у ребят растения: лебеда, волчьи саранки, «кислица» (хвоя лиственницы), «семечки» подорожника и т. д. и т. д.⁵¹

Если брызгалки, свистульки, пикульки, змейки, теневые фигуры (фигуры коровы, зайца и пр.), ходули, мельницы на ручье, балаболки с воткнутым в них пером и весь прочий накопленный опыт привести в известность и порядок, то получился бы необходимый фундамент для проработки первоначального курса физики.

Останавливаться здесь подробно на всех областях детских знаний и опыта нет необходимости (хотелось бы только упомянуть еще о важности наблюдений над тем, как дети до поступления в школу научаются счисления). Педагог-практик по тем или иным поводам должен интересоваться содержанием душевной жизни ребенка в момент вступления его в школу, в частности—запасом его знаний и предста-

влений. Собранный в большом количестве и систематизированный материал по этому важному вопросу мог бы в значительной мере облегчить задачу учителя. Правда, ему интересно знать накопления в области знаний и представлений относительно каждого ребенка, с которым ему приходится иметь дело, но *общий фон*, на котором легче поддается пониманию каждый индивидуум, дается этнографическим изучением, т. е. изучением детской массы.

Если бы все названные выше вещи и предметы, находящиеся в распоряжении детей (разнообразные своедельские мячи, ходули, змейки, «кушанки», т. е. образцы детской стряпни из глины, и пр. и пр.), сосредоточить в одном месте, то получился бы интереснейший *музей*; перечень его коллекций дал бы поучительный *инвентарь детской обихода*, содержащий значительный материал для *детского словаря*.

Детский словарь.

У детей в их естественной обстановке мы наблюдаем особый быт, с не встречающимися в жизни взрослых особенностями. Для этих особенностей нужны обозначения, которые иногда напрасно будем искать в лексиконе взрослых. Детская жизнь, мы видели, содержательна, и быт детей своеобразен. Это должно сказаться в словарном богатстве—унаследованном в главнейшей своей части и отчасти благоприобретенном.

Отрицать воздействия взрослых и на языковую жизнь детской среды нет возможности, но надо помнить и другое—именно, что взрослые знают далеко не весь детский лексикон; например, термины, связан-

ные с играми, частью забываются взрослыми, частью они меняются; каждое детское поколение создает слова, пользуется ими, затем, перешагнув грань детства, постепенно оставляет их, забывает. Каждое новое поколение наследует словарное богатство от уходящих из детства и обогащается запасом новых слов. Словарь теперешнего детского поколения не во всем повторяет содержание словаря детей моего поколения, который, в свою очередь, бесспорно, в чем-нибудь отличен от детского словаря наших прадедов.

Говоря о детской лексике, должно различать язык фольклора, язык, будем говорить, поэтический, и язык повседневного обихода, язык разговорный.

Словарь поэтического детского языка отличается большой устойчивостью и в повседневной речи он не весь используется. Словарь обиходной детской речи включает: а) названия явлений и вещей из окружающего мира, б) названия игр и забав, принадлежностей для игр, игрушек; обозначения отдельных моментов игры и пунктов на поле игры; названия участников игры в зависимости от их роли; слова обращения; термины в играх и т. д. и т. д., в) прозвища, г) в отличие от прозвищ или наряду с ними т. наз. «сочиненные имена» телят, собак («найденуш» и др.), слова обращения к ним, д) музыкальная терминология, е) слова и выражения условного языка: «коровы за тобой побегут» — портянка из обуви торчит; «татарину долг отдавать» — идти в отхожее место и т. п.

Собирая материалы по детскому языку следует рассматривать язык детей, как средство общения их с сверстниками, отчасти со взрослыми и животными. Внимательный наблюдатель неминуемо столкнется с более или менее условным *языком взрослых*,

на котором они изъясняются с едва начинающими говорить маленькими детьми; наприм., *жижа* (огонь), *лапа* (хлеб), *ням-ням* (есть), *тпруа* (гулять, кататься, ехать) и т. п. Эти и подобные им слова, конечно, нельзя, по замечанию Шейна, рассматривать, как «примитивные детские слова». Этот материал заслуживает внимания, но его целесообразно выделить в особую группу.

Не следует обманывать себя надеждой в короткий срок составить полный словарь, даже охватывающий только материал небольшого района. Такая работа требует продолжительного времени и сотрудничества многих сил. Учитель и в этой работе находится в лучших условиях, чем кто-либо: как при изучении игр³², так и здесь, он не одинок; в лице его учеников он имеет сотрудников больше, чем кто-либо другой. Он может начать классными работами и кончить ими, в сотрудничестве с ребятами копить материал и на их же потребу его использовать.

Составление словаря предполагает использование рисования: понадобятся рисунки детских построек, планы... Иллюстрации в лексикографии необходимы; они дополняют и поясняют определения и описания, по необходимости краткие и подчас не вполне четкие. Цель всех устремлений—в результате продолжительной совместной работы нескольких лиц получить очень важную, крайне необходимую и этнографу и педагогу работу—*иллюстрированный детский словарь*. В нем вся или почти вся детская жизнь. Наугад открываю в своих материалах слово за словом: *нали-ток... наяна... подтесок...* Что ни слово, то—страница из описания детского быта.

Нужно вскрыть полное содержание только двух, трех десятков слов— и тогда, можно думать, очевидно

будет, что «слова—это образы», а детский словарь—это едва ли не вся детская жизнь, «расположенная в алфавитном порядке».

Представить только: «Словарь живой детской речи» такой-то провинции (Илимского края, например)!.. Не словарь того или иного отдельного ребенка, а словарное богатство языка, так сказать, *народной детской массы*. В этом—позволю себе повториться еще раз—и заключается смысл этнографического изучения детской жизни. Этнограф изучает влияния реальных условий на жизнь детской среды, на жизнь детской массы в целом...

Анатоль Франс рассказывает, что Теофиль Готье «считал недостойным права на существование всякого поэта и прозаика, который не любит словарей». Готье имеет единомышленников в лице Бодлэра, Эредиа, того же Франса. Трудно побороть искушение повторить эти слова о тех, чья жизнь протекает в работе с детьми и не отмечена любовным вниманием к живому детскому слову.

Оставляя в стороне речь о детской лексикографии, как о средстве к проникновению в детскую жизнь, к пониманию детского мира, хочется обратить внимание на то, как оживет родной язык в школе, сколько полезнейших и интереснейших занятий даст хорошо составленный детский лексикон, сколько радостных часов породит он для ребят и учителя. «Если правильно судить о вещах,—думает А. Франс,—то словарь—это книга по преимуществу. Все другие книги заключены в ней: нужно лишь их оттуда извлечь».

З а п и с н.

Наблюдателю детской жизни следует помнить, что самые ценные из собранных им данных—те, которые получены не только путем опроса, но и путем личного наблюдения:

Где наблюдать? Кого опрашивать? Сведения надо стараться получать от наиболее «выразительных» представителей изучаемой детской группы. Конечно, интересны записи, так сказать, и *рядовых* участников детских занятий, игр и забав, но верхи достижений не в них, а именно в «выразительных».

Кому приходилось изучать детскую жизнь, тот знает, что дети могут быть интересными и полезными собеседниками для этнографа. Во время летних работ взрослое население деревни часто вообще отсутствует в селении и вообще не имеет досуга для бесед с исследователем. В это время дети бывают более свободны, и рассказы их могут послужить полезным материалом для этнографа. Необходимо только уметь подойти к ним. Кому приходилось иметь дело с детьми, те знают, что это—не самая легкая задача.

Прежде всего, необходимо считаться с детской застенчивостью, отмечаемой всеми исследователями, которые останавливались на затронутом вопросе. Они рекомендуют различные приемы, которыми можно привлечь к себе детей, целый ряд «военных хитростей». Опираясь на личный опыт, думаю, что лучший прием заключается в том, чтобы не навязываться ребятам и не чуждаться их, суметь войти с ними в деловые разговоры на любые темы. Когда ваше присутствие не смущает детей, можно вести речь и об

играх и о песнях. Впрочем, не всегда в таком разговоре и нужда бывает: привыкнув к вам, дети не постесняются сами играть или петь в вашем присутствии. Иной раз полезно показать какую-нибудь интересную игру, рассказать сказку и пр. Так делает умелая хозяйка, которая оставляет в нужном ей месте яйцо-подкладыш: где лежит подкладыш, там курица и «снесется»...

Раз игры и песни начаты, главные препятствия могут считаться преодоленными. Запись лучше всего вести одновременно с непосредственным наблюдением, не полагаясь на память. Известно, как ничтожна наша способность удерживать в памяти формы и расположение предметов настолько, чтобы суметь передать их в словесном или пластическом изображении; не в даром опытные наблюдатели рекомендуют не надеяться на память: «у путешественника нет памяти»... Необходимо наблюдать одну и ту же игру, забаву или какое-нибудь занятие у одной и той же группы детей и несколько раз и каждый раз проверять свои записи; и таким путем удастся установить наличие нескольких вариаций (иногда), устранить неточности или пробелы в сделанных записях, увериться, что запись сделана хорошо.

Очень желательно наблюдать одну и ту же игру не у одной, а у нескольких групп играющих.

По тем или иным причинам делать непосредственные наблюдения не всегда удается. В таких случаях лучше стараться выспросить у ребят по возможности обо всех знакомых им играх, песнях, занятиях, и запись делать со слов. Но при первой же возможности надо спросить ребят устроить эти игры, пропеть песенки, и записи, сделанные со слов, проверить.

Для изучения истории народных игр и детского быта вообще полезно обращаться с вопросами к людям старших поколений. С их слов следует записывать и те игры, которые сохранились и в данный момент, и те, которые видоизменились на памяти стариков или совершенно вышли из употребления.

Ставя себе задачей зарегистрировать и описать *все* игры изучаемой местности, собрать по возможности все словесные произведения, нужно стремиться к тому, чтобы в своих описаниях дать образец сдержанности, осторожности и педантической точности приемов. Главное условие, ведущее к этому,—неторопливое ведение работы; полезнее поступиться количеством записанного в пользу качественной стороны. Торопливое описание почти всегда—поверхностное описание, которое способно дать только возможность зарегистрировать ту или иную игру, ту или иную песню в известном районе, отметить ее наличие здесь, но не освобождает от необходимости снова искать возможностей записать эту игру и эту песню и снова тратить на это время.

Всякая запись того или иного этнографического явления должна являться документом; документ тем ценнее, чем достовернее, полнее, обстоятельнее. Передавать в записях надо не только смысл виденного и слышанного при наблюдении и опросах, но и его точную форму. Точность записи в отношении языка, передачи подлинной речи рассказчиков важна не только потому, что она может дать материал для изучения родного языка; она имеет значение для понимания и изучения и фольклора и игр. Если при записи сохранить смысл слов и выражений, но придать им литературную форму, мы в значительной

степени искадим песню или игру, лишим ее присущих ей естественных красок.

Однако, как ни обстоятельна запись, она часто нуждается в использовании иных средств закрепления и передачи сообщаемых фактов; где только возможно, необходимо документальное констатирование—*собрание подлинных объектов, рисование, фотографирование*.

При наблюдениях и записях по тем или иным причинам неизбежны промахи, пробелы. Как только они замечены, необходимо принять меры: снова наблюдать, снова опрашивать. Нередко, однако, случается, что повторные наблюдения и опросы представляются уже невозможными; тогда необходимо открыто сознаться в промахах и недочетах, непременно указав их при приведении своих записей в порядок.

Собиратель придаст большую ценность своей работе, если сделанное им описание игр снабдит указаниями общего характера, касающимися района, в котором производятся наблюдения: укажет местоположение населенных пунктов, расстояния между ними и способы сношения жителей, приблизительное число дворов и жителей, состав населения: старожильческое ли оно (не расскажут ли старики, откуда, из каких мест, когда и при каких обстоятельствах сюда переселились они или их отцы или деды) или смешанное с переселенцами (из каких губерний?) или туземцами (какими?); нет ли близкого соседства туземцев (каких именно—бурят, тунгусов и др.); занятия населения; на какие промыслы и заработки и куда ходили жители прежде (ямщина, жизнь в городе и пр.) и ходят теперь; в каких окрестных или отдаленных селах бывают на праздниках.

Весьма желательно, чтобы лица, сообщаящие сведения по этой программе⁵³, кроме своего имени, отчества и фамилии, указывали свою профессию, отмечали, откуда они родом, давно ли живут в данной местности, сообщали—на случай возможных запросов—свой адрес.

Таковы в грубом обозначении и перечислении главные вопросы и темы собирательской работы, и таковы требования, предъявляемые к наблюдателю детской жизни.

Сделанные указания и приводимые соображения являются полезными, нужными; на внимательном отношении к ним хотелось бы настаивать. Но хотелось бы тут же сказать для собирателя материалов, что одно знание и соблюдение правил и принципов не способно оживить работу, сделать ее радостной и плодотворной. Методологические приемы очень важны, но нельзя свести всю собирательскую работу к следованию за пунктами программы: сухой методологизм надо разбавить живым вчувствованием в окружающее; тогда игра в описании будет передана с той живостью, с которой она «делается», жизнь детской артели предстанет сложным целым, а детская песня—гулко дрожащей в воздухе. Надо войти в круг детских интересов, стремлений, тревог, чтобы полно воспринять «живую зелень» дерева детской жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. «На путях к новой школе» 1922, № 3, стр. 29; ст. С. Т. Шацкого.
2. И. Я. Неклепаев—Поверья и обычаи Сургутского края. Записки Зап.-Сиб. Отд. Р. Г. О., кн. XXX, 1903; стр. 86.
3. Л. Н. Толстой—Полн. собр. соч., изд. Сытина, I; стр. 33—34.
4. Там же. стр. 34.
5. При составлении его я широко использовал некоторые из прежде опубликованных своих работ; назову: «К изучению народных детских игр у бурят», Иркутск, 1922, «Детский народный календарь», напечат. в *Сиб. Жив. Стар.* 1924, в. II. «Детская сатирическая лирика»—там же, 1925, в. III—IV. Имея в виду специальное назначение настоящей брошюры, я нигде не отмечаю сделанных отсюда позаимствований.
6. Подобный взгляд был высказан в 1868 г. А. Л. Дювернуа в его программе по составлению народного календаря. *Труды Этногр. Отд. Общества Любителей Ест., Антроп. и Этн.*, т. XIII. в. 1, 1874; стр. 23.
7. Ср. «Родной язык в школе I ступени». М. 1921; стр. 20—21.
8. Там же; ср. пункты 4 и, главн. обр., 5.
9. Там же, стр. 21.
10. Сочинения Л. Н. Толстого, часть 15. М. 1898. стр. 171.
11. Там же, стр. 173.
12. Могут же некоторые старые дедушки и бабушки, находясь в детской среде, не мешать ребятам, оставаться незамечаемыми («бытга их нету!..»). Если наблюдатель лишен

этой способности, ему приходится подслушивать, подглядывать

13. Ср. заметку «О записывании плясок» в *Этногр. Обзор.* 1912, № 3—4, стр. 195—197.

14. Авдеева—Заметки и замечания о Сибири. М. 1837; стр. 56.

15. П. В. Шейн.—Великоросс в своих песнях etc. Спб. 1900, I, стр. 37.

16. А. А. Макаренко—Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Записки Рус. Геог. Общ., т. XXXVI, 1913, стр. 26—27.

17. Шейн—назв. соч., стр. 37.

18. Запис. Еф. Я. Платоновым (†) в 1919 году.

19. В. Харузина—Игрушки у малокультурных народов. В сборнике статей «Игрушка. Ее история и значение». М. 1912, стр. 90.

20. Запис. Б. В. Шевяковым.

21. Программа для собирания сведений о деревенском быте. *Отчет Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О.* за 1901 г., стр. 14.

22. Шейн—назв. соч., стр. 28.

23. Запис. на Урале Б. В. Шевяковым.

24. Запис. в довоенном Петербурге.

25. *Записки Красноярскою Подвотд. Вост.-Сиб. Отд. Р. Г. О. по этнографии*, т. I, в. 1, 1902, стр. 137; запис. Г. Н. Потанины м.

26. Шейн—назв. соч., стр. 37—38.

27. Этот частный вопрос о поверьях и пр. интересует не только этнографов; педагоги-теоретики заняты им же в меньшей степени. Программу изучения т. наз. «детских суеверий» дает, напр., Ст. Холл в его «Собрании статей по педологии и педагогике». М. 1912; стр. 188—191. Программа включает, м. пр., такие рубрики: 1—Лечебные средства, 2—Предзнаменования, и др.

28. Запис. в Тулуне-поселке.—Помещаемые в этой брошюре примеры, без указаний на место записи, относятся к Тулунскому уезду Иркутской губ.

29. Обстоятельные указания на этот счет даны в «Беседах собирателя» М. К. Азадовского; изд. 2, Ирк., 1925.

30. *Летопись* 1916, № 2, стр. 171; статья А. Авраимова.
31. Изучение литературы в школе. Сборник, 1923, стр. 52—53; статья А. М. Суворовского.
32. Запис. в пос. Боровом, Акмолинск. обл.
33. Запис. А. Ф. Николаевой там же.
34. Родной язык в школе I ст. М. 1921; стр. 20.—Надо видеть, с каким вниманием ребята следят за тем, кто «считает». Намерение сплутовать обыкновенно выдает себя нарушением ритма.
35. Там же.
36. Трудно не вспомнить, напр., что «дети в школах народ безжалостный: *порознь* ангелы божии, а *вместе*, особенно в школах, весьма часто безжалостны» (Достоевский).
37. Классификация явлений, объединяемых здесь условным термином *детское обычное право*, как и употребляемая терминология, не являются строго выдержанными. На результатах собирательской работы неблагоприятно отразится это, конечно, не может.
38. *Этногр. Обзор.* 1900, № 1, стр. 111; статья С. К. Кулжинского.
39. Родной язык в школе I ст., стр. 19—20.
40. Г. Н. Потанин Очерки сев.-зап. Монголии. Спб. 1881, в. II, стр. 119—120.
41. Там же, стр. 118.
42. Там же, стр. 120.
43. О них можно составить представление по брошюре Н. Обольянинова—Игры детские. М. 1916. Брошюра посвящена описанию 130 изданий «игр для детей», снабжена прекрасными иллюстрациями, являющимися воспроизведением рисунков из этих изданий.
44. Ю. Фаусек—Дети. *Россия* 1922, № 1, стр. 18.
45. Вл. Богданов—К изучению игрушки. Программные заметки. *Этногр. Обзор.* 1912, № 1—2, стр. 228—229.
46. Там же, стр. 229.
47. Ср. Р. С. Данковская и Н. Е. Редин—Об изучении народных детских игрушек. *Воронежский Историко-Археологический Вестник* 1921, № 2.
48. Там же.

49. Александр Бенуа—Игрушки. *Аполлон* 1912. № 2, стр. 50.

50. Там же.

51. Растения, употребляемые детьми с разными целями (в играх, забавах и пр.), надо собирать для научного определения, засушивая теми способами, какие указываются в руководствах по составлению гербариев. В объяснениях к гербарии следует отмечать детское название растения, применение его и т. д.

52. Об изучении детских игр через детей говорит, м. пр., Е. А. Звягинцев; см. его «Родиноведение и локализация в школе». Гос. изд., стр. 49—50.

53. Дело не только в том, чтобы собрать материал; нужно еще принять меры к тому, чтобы он сделался доступным для тех, кто имеет в нем нужду, кто интересуется им. Сделать материал доступным можно или путем напечатания его или путем помещения его в каком-либо научном учреждении. Для Восточной Сибири таким учреждением является Восточно-Сибирский Отдел Русского Географического Общества в Иркутске.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
Общие замечания об изучении детского быта	5—11
Детский народный календарь	12—16
Зачатки искусства	16—21
Словесное творчество (фольклор)	21—23
Отдельные виды детского фольклора	23—36
Общий фольклор в детском использовании	36—38
Влияние «книжной» литературы	38—39
Теоретическое и прикладное значение изучения детского фольклора	39—44
Общественная жизнь и правовой быт	44—50
Игры и игрушки	50—55
Программа наблюдений	55—63
Собирание и описание игрушек	63—71
Детский словарь	71—74
Записи	75—79
Примечания	80—83

